

The Scorched life *жизнь*

МАРИ МИЛАС

18+

Мари Милас

Опалённая жизнь

<https://litres.ru/73993579>

SelfPub; 2026

Аннотация

Гарри Эшфорд не помнил дня, когда бы не любил Лолу Эванс. Он был рядом во все важные моменты ее жизни, довольствуясь ролью лучшего друга и скрывая истинные чувства. Лола всегда мечтала о большой любви, как в книгах, но реальность оказалась куда болезненнее — теперь она в одиночку воспитывает сына и не верит в счастливые финалы.

Пока Лола пытается стать лучшей матерью для своего ребенка, Гарри ведет внутреннюю борьбу. После тяжелой травмы работа пожарного превращается в источник постоянного страха, ведь одна ошибка может стоить ему всего.

Поддерживая друг друга в трудные моменты, Лола и Гарри постепенно понимают, что самые сильные чувства рождаются не из внезапной страсти.

Они рождаются из дружбы длиной в годы.

Из мужчины, который всегда был рядом.

Из женщины, которая наконец позволяет себя любить.

Содержание

Посвящается	4
Плейлист	5
Пролог	6
Глава 1. Гарри	22
Глава 2. Лола	40
Глава 3. Гарри	53
Глава 4. Лола	70
Глава 5. Лола	81
Глава 6. Лола	90
Глава 7. Гарри	107
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Мари Милас

Опалённая жизнь

Посвящается

Моей маме. Спасибо за твою безусловную любовь. Спасибо, что в твоих объятиях я всегда чувствую себя ребенком.

Плейлист

FEVER DREAM — Alex Warren

More Than A Feeling — Declan J Donovan

Deeper — JERUB

break my heart — Matt Hansen

Not Getting Better — Ashley Singh

Kumbaya — JERUB

Soul Tied — Ashley Singh

Whisper — Chanin

Waiting for Your Love — Jamie Bower

FOREVER AGAIN — Matt Hansen

Пролог

Я люблю жизнь.

Или люблю ее только в те моменты, когда мама не перекрещивает меня вот уже в третий раз, призывая Иисуса, который должен защитить меня по пути домой.

— Мама, ради бога, прекрати! — тяжело выдыхаю я, пытаясь зашнуровать чертов ботинок.

Все еще не понимаю, почему продолжаю попытки, если с седьмого месяца беременности это стало такой же невыполнимой задачей, как вовремя купить подарки на Рождество.

Серьезно, существуют ли вообще люди, которые покупают их заранее?

— Так вот, я, ради всего святого, умоляю тебя не ехать! — она наклоняется, чтобы помочь, но ее мягко отталкивает папа, принимаясь завязывать мои шнурки, словно трехлетнему ребенку. Эта та самая отцовская шнуровка с тугими узлами, бантиками и всем прочим.

— Сколько раз я говорил, чтобы ты не наклонялась. Ты пережимаешь ему... что-нибудь точно пережимаешь, — бормочет он, пока я поглаживаю живот и делаю все возможное, чтобы не упасть в обморок от того, как резко только что выпрямилась.

— Со мной все в порядке, — в тысячный раз повторяю и надеюсь сбежать раньше, чем настанет тысяча первый. — До

моего дома от ранчо двадцать минут максимум. Я знаю эту дорогу с того момента, как научилась ходить. Пожалуйста, не заставляйте меня оставаться и не портите себе вечер тем, чтобы отвезти меня. Я взрослая, самостоятельная женщина.

По крайней мере, я стараюсь в это верить.

К концу этой независимой речи меня настигает такая одышка, что могла бы посоперничать со старым котом Саммерсов. Ему уже сколько? Лет сто?

У нас с ним, на самом деле, теперь много общего. Мы оба заплывшие жиром. Мы оба еле шевелимся. И мы оба, черт возьми, предпочитаем сожрать все, что попадается под руку.

В коридор выходят Гарри, Томас и Марк и скептически смотрят на меня.

— Ты уверена? — спрашивают они чуть ли не в унисон.

Я топаю ногой и наступаю папе на палец.

— Прости, прости, — пишу я. — Да, я уверена, что в свои двадцать три года могу самостоятельно добраться до дома.

— Ты беременная, — открывает тайну Гарри.

— Сильно, — замечает Марк.

— Очень сильно, — Томас просто не может не прокомментировать.

— Не поверите, но я в курсе, что я сильно, очень сильно беременная! — я вскидываю руки почти в бешенстве. — И я сильно, очень сильно хочу спать. А еще так же сильно начинаю злиться, так что прекратите это немедленно.

В прихожей главного дома Локвудов появляется все боль-

ше людей, и с каждой минутой здесь становится все сложнее дышать.

Вся семья Саммерсов в полном составе смотрит на меня, нахмутив свои фирменные густые темные брови. Логаны озадаченно почесывают виски, а мама с папой просто смотрят на меня так, словно я собираюсь в космос. В беременный полет на Луну.

— Вам не кажется, что эта прихожая мала для такого количества людей? — уточняю я, оглядывая всех по очереди.

Мы все — одна большая сумасшедшая семья. Мои родители дружат с Саммерсами и Локвудами, кажется, еще с прошлой эры. Они неразлучны, как хлеб и арахисовое масло. Так получилось, что их дети — мои самые близкие люди во всем городе. Я бы даже сказала — в мире.

Моя лучшая подруга Мия отталкивает своего брата Люка с пути и заключает меня в объятия.

— Не злись, мы просто заботимся, — шепчет она, поглаживая одной рукой мой живот, упирающийся в нее. — Надеюсь, у меня получится приехать к родам. Не смей рожать, пока я снова не пересеку черту Флэйминга.

— Хорошо, я передам своему сыну, что ему нужно подождать крестную, прежде чем наконец-то вылезти из меня, — цокаю я. — Ведь обычно дети слушаются, верно?

— О нет, — миссис Локвуд взмахивает рукой. — Посмотри на Саммерсов, их детям плевать, что им говорят.

— Делайла, мои дети, может, и напарники сатаны, но да-

вай не будем забывать, как семилетний Нил сварил все яйца из курятника, чтобы цыплята быстрее вылупились, — с ухмылкой добавляет миссис Саммерс.

— Справедливо, — почесывает короткую бороду вышеупомянутый истребитель цыплят.

Лили, еще одна моя подруга и жена Марка Саммерса, подходит к нам Джулией на руках. Я чмокаю малышку в пухлую щечку и поправляю огромный розовый бант на ее шевелюре.

— Увидимся завтра? — Лилли обнимает меня одной рукой. — Нам нужно еще выбрать пеленальный столик и заказать молокоотсос.

— И подстричься перед родами, — добавляет Джемма, стоящая неподалеку в объятиях своего мужа Томаса Саммерса. — Нужно срезать эти отросшие розовые концы, а когда родишь, перекрасимся хоть в зеленый.

— Помню, да, если завтра я не рожу, то встретимся.

Мия угрожающе указывает на меня пальцем.

— Ты завтра не родишь! Тебе еще ходить три недели. Даже не смей.

Мы с Лили, как женщины, знающие, что такое беременность, смотрим на нее с долей сомнения.

— Ладно, всем счастливо оставаться, — машу я рукой и ковыляю за дверь.

— Лола! — меня останавливает Гарри. Он единственный, кто не является родственником ни Саммерсам, ни Локвудам, ни уж тем более Эвансам, но это не значит, что он не член

наших семей. — Ты забыла.

Я оборачиваюсь и вижу, что он пробирается ко мне с моей книгой и вложенным в нее киндлом.

Боже! Мой дырявый беременный мозг. Как я могла забыть самое главное? Я бы и вечера не прожила, не узнав, где именно этот сталкер трахнет свою одержимость. По моим предположениям — где-то в лесу, когда она будет убегать от него, сверкая пятками и крича: *«О нет, не трогай меня»*, но думая: *«О да, трахни меня так, чтобы я не смогла ходить»*.

— Спасибо, — улыбаюсь я и протягиваю руку, чтобы взять книгу.

Гарри держит ее так, словно не хочет отдавать, но, когда я встречаюсь с ним взглядом, он все же отпускает ее и быстро убирает руки в карманы джинсов.

— Эта книга называется «Грязный взгляд»? — озадаченно спрашивает Марк, наклонив голову.

— Да, — хмыкаю я, убирая книги в сумку. — Действительно очень грязный.

Под всеобщее хихиканье я наконец-то покидаю эту душную прихожую, выхожу под холодный весенний ветер, несущий аромат влажного сена с ранчо, и сажусь в машину.

Мне удастся пристегнуться только с пятой попытки. Возможно, поездки в машине действительно стоит свести к минимуму. Но я просто уже не могу оставаться на этом празднике жизни, называемом воскресным ужином у Локвудов. Мне необходима кровать и подушка для беременных, иначе

моя спина сломается к чертовой матери.

Весна, как, собственно, и зима, в этом году выдалась просто отвратительной. Вечная слякоть и дожди просто не прекращаются. Я включаю дворники на более мощный режим работы, как только ливень усиливается.

Адам-или-Лео (я еще не определилась) пинает меня под ребра, заставляя чуть ли не взвизгнуть от боли.

— Вы сегодня плохо себя ведете, мистер! — Я кладу одну руку на живот, быстро поглаживая его и пытаюсь уговорить малыша вести себя прилично, хотя бы пока мы не доехали до дома. — Потерпи еще чуть-чуть, ладно? Маме тоже тяжело. Скоро мы съедим что-нибудь вкусненькое, наберем еще пару килограммов и наконец-то узнаем, где наш сталкер завалит свою даму. Как тебе план?

Он отвечает мне новым, особенно метким толчком прямо в мочевого пузыря. Ну и характер! Я шиплю сквозь зубы и сосредотачиваюсь на дороге.

В этот момент дождь внезапно перестает быть самим собой.

Сначала это выглядит почти красиво. Крупные хлопья, редкие, ленивые, будто весна сама не понимает, что делает.

Снег.

В апреле.

В Монтане.

— Прекрасно, — выдыхаю я, а снег тем временем усиливается с каждой секундой. — Просто идеально. Если не в

июле, так в апреле здесь обязательно должен пойти этот гробаный снег.

Асфальт под колесами становится предательски мокрым, машину слегка ведет в сторону. Я инстинктивно выворачиваю руль. Но... слишком резко, и понимаю это уже после. Колеса скользят, мир дергается, фары выхватывают из темноты мокрую траву, канаву и размытый край дороги.

— Нет, нет, нет! — голос срывается, когда автомобиль мягко, но неотвратимо съезжает на обочину.

Глухой чавкающий звук не предвещает ничего хорошего. Машина дергается и замирает. Я жму на газ. Колеса крутятся впустую, разбрасывая грязь.

Еще раз. Ничего.

Снова и снова.

И машина все еще не двигается с места.

— Видимо, нужно было позволить твоей бабушке крестить меня более качественно, — бормочу я, опуская голову на руль.

Боль пронзает меня так резко, что из легких выбивает воздух. Я вскрикиваю и сгибаюсь пополам. Ремень безопасности впивается в живот, призывая отстегнуть его немедленно.

— Черт... — шепчу я, зажмуриваясь и нащупывая замок ремня. — Черт-черт-черт...

Снег усиливается, быстро превращая мир за лобовым стеклом в рождественский стеклянный шар. Я дрожащей рукой тянусь к телефону, но связи нет. Конечно, ее нет. На этом

участке дороги всегда так.

— Только не сейчас... — дрожу я, чувствуя, как живот снова каменеет. — Ты слышал тетю Мию? Нам нельзя рожать еще три недели!

Я дышу, как учила меня Лили. Сбиваюсь. Снова дышу. Темный ужас расползается в моей груди.

Мне по-настоящему страшно. Не так, как было почти год назад, когда я узнала о беременности и поняла, что невинный поход в клуб обернулся серьезными последствиями, а иначе — глубже и холоднее. Страх остаться одной на этой дороге перекрывает все разумные мысли и знания о поведении во время схваток.

Так, без паники. Это маленький город, кто-то обязательно проедет мимо. Во Флэйминге невозможно остаться одному, потому что каждый здесь имеет врожденный талант совать нос в чужие дела.

Еще ни разу в жизни я так сильно не мечтала о том, чтобы чей-то нос засунулся именно в мою машину. Даже если это будет миссис Трент и десяток ее кошек.

Я кое-как выбираюсь из машины и опираюсь руками на мокрую крышу в приступе новой схватки. Живот вдруг каменеет так сильно, будто внутри меня кто-то медленно и безжалостно сжимает кулак. Воздуха не хватает. Я тяну его через нос, но он отказывается наполнять мои легкие.

Соберись, Шарлотта Грейс Эванс! Ты вот-вот станешь матерью, ты должна уметь дышать.

Я пытаюсь расслабиться и сделать новый вдох.

У меня получается. Схватка потихоньку начинает отпустить, но я не успеваю сделать и шага, как чуть не падаю на колени от спазма, окутывающего все тело. Я не чувствую ни ног, ни поясницы.

Я чувствую только гребаную боль.

Кто-то вообще подумывал мне сообщить, что роды похожи на сжигание ведьм в Средневековье? Или все решили умолчать об этом ради приличия?

Я наклоняюсь и упираюсь руками в колени, пока дождь со снегом продолжают безжалостно атаковать бедную беременную женщину. Неудивительно, что снег и дождь мужского рода. Ведь только мужчина может так легкомысленно относиться к женской боли.

Я медленно переставляю тяжелые ноги в сторону ранчо. Может, мне удастся дойти до дома Локвудов, ведь это совсем недалеко. Бросив взгляд через плечо, понимаю, что мне удалось сделать лишь два шага от машины, хотя по ощущениям за спиной уже пара миль.

Я кричу в небо от злости и боли, мечтая, чтобы кто-то в этом чертовом городе наконец-то проехал по этой дороге. Почему когда я впервые напилась в местном баре, собралась целая коалиция, задокументировавшая этот момент, а когда я рожая — весь город вымер?

Эй, жители, у меня для вас охренеть какая сплетня. Я скоро рожу на обочине дороги ребенка, который был зачат в

грязном туалете клуба Миссулы.

В конце дороги, как свет в конце тоннеля, вспыхивают яркие и живые фары. Они вырастают и становятся все ближе и ближе, будто ответ на мою немую мольбу. Машина, которую я безошибочно узнаю, останавливается прямо передо мной.

Дверь хлопает. Доносятся шаги по грязи и мокрому снегу.
— Лола!

Я всхлипываю, даже не пытаюсь вытереть слезы и поднять голову.

— Гарри...

— Машину занесло? — коротко спрашивает он, уже все понимая и приседая передо мной на корточки, чтобы поймать мой взгляд.

Я киваю.

По его куртке скатываются капли, а волосы цвета жженой карамели намокают, темнея от дождя. Его взгляд сосредоточенный и слишком спокойный для ситуации.

— Хорошо, — говорит он ровно. — Посмотри на меня.

— Я... — меня накрывает новая схватка, и я сжимаю его рукав до боли в пальцах. — Кажется, я рожая.

Он крепко и уверенно сжимает мои пальцы в ответ.

— Вижу, — говорит он снова, ничуть не испугавшись, когда у меня отходят воды. — Я умею принимать роды.

Мои глаза расширяются.

— Ты умеешь что? — мой голос срывается на смешок, истеричный и неверящий.

— Принимать роды, — повторяет Гарри уже жестче. — Может быть, я и был бесполезен последний год, — его голос впервые слабеет, но он быстро вновь становится серьезным. — Но я спасатель, Лола. Я принимал роды дважды. И сейчас мы с тобой сделаем это еще раз.

Он быстро оглядывается по сторонам, пытаясь, кажется, попросить совета у дороги, канавы и моей застрявшей машины. Снег с дождем продолжают лупить по нам безо всякой жалости.

— В свою машину ты не сядешь, — решает он. — Там тесно.

Он чуть ли не одним движением поднимает меня на руки и быстро идет к своему пикапу, припаркованному на твердом участке дороги. Гарри открывает заднюю дверь, ставит меня на ноги и крепко держит за руку.

— Сможешь постоять пару минут? — его глаза смотрят на меня так уверенно, что я могу лишь кивнуть, хотя ноги совсем ватные. — Тебе нельзя садиться после того, как отошли воды.

Я снова киваю и проглатываю комок в горле, пока слезы стекают по моим щекам.

Гарри двигается к багажнику, но мои ледяные пальцы обвиваются вокруг его татуированного запястья со шрамами от ожогов.

— Я не могу потерять его, Гарри, — мой голос ломается, и я дрожу всем телом. — Пожалуйста, не позволь мне потерять

его.

Слезы струятся по щекам от острого, как кинжал, страха, пронзающего сердце. Мое сердце, полное любви к ребенку, от которого избавилась бы любая здравомыслящая женщина.

Но я люблю жизнь, и я не здравомыслящая, раз не смогла. Этот ребенок — мой шанс на жизнь, полную красок и смеха. На жизнь, где у меня будет цель, а не только мечты.

Гарри обхватывает мои щеки огрубевшими горячими ладонями, и, боже... в его глазах нет ни грамма паники.

— Я клянусь своей жизнью, что ты не потеряешь его.

И я верю ему так, как никому не верила за всю свою жизнь.

Гарри достает из багажника аптечку и необходимые вещи: плед, пару полотенец и бутылку чистой воды. Его движения отточенные, почти автоматические.

— Лола, смотри на меня, — он снова ловит мой взгляд, когда аккуратно усаживает на сиденье. — Схватки через сколько?

— Я... — пытаюсь вспомнить цифры, но боль смывает их, как вода мел. — Часто. Очень часто.

Он кивает. Одним движением достает из нагрудного кармана рацию и зажимает кнопку.

— Диспетчер, это Гаррисон Эшфорд. Преждевременные роды. Женщина, двадцать три года. Срок — тридцать семь недель, укороченная шейка матки, резус-конфликт и низкое

предлежание плода. Мы на старой дороге у мельницы. Нужна бригада. Срочно.

Он отпускает кнопку и возвращается ко мне так, будто мира вокруг больше не существует. Полагаю, мне нужно поблагодарить бога, что Гарри сегодня должен был заступить на смену.

— Помощь в пути, — говорит он без ноты дрожи в голосе, пока я пытаюсь осознать, что этот мужчина только что наизусть пересказал все мои беременные штучки. — Но ребенок, похоже, решил не ждать.

Как будто в подтверждение его слов меня пронзает такая боль, что я громко кричу, не сдерживаясь и не думая о приличиях. Гарри тут же склоняется надо мной и обхватывает мои плечи.

— Дыши. Вот так. Со мной. — он дышит медленно и глубоко, и я цепляюсь за этот ритм, как за спасательный круг. — Ты делаешь все правильно. Ты сильная. Слышишь?

Я хочу сказать, что не сильная. Что мне страшно. Что я не так представляла этот момент. И я совсем не хочу, чтобы он принимал мои роды, потому что... ну, потому что!

Но тело решает за меня снова и снова закручивая живот в тугой канат адской боли. Я теряюсь во времени, но стараюсь сконцентрироваться на размеренном счете, который Гарри шепчет мне на ухо. Мы переживаем около десяти схваток подряд. И я понимаю, что...

— Гарри... — выдыхаю я. — Я рожаю!

Лицо Гарри меняется. И снова это не страх, а сосредоточенность. Он опускается ниже, быстро, но осторожно. Сняв с меня обувь и новые джинсы для беременных, которые я купила только вчера, он раздвигает мои ноги и смотрит на меня.

— Хорошо. Лола, сейчас будет потуга. Когда скажу — тужься. Не раньше. Смотри на меня.

Я киваю, слезы катятся по щекам и тут же теряются в мокрых прядях волос. Пока я пытаюсь осознать, что мужчина, которого я знаю с детства, собирается посмотреть мне между ног и достать моего ребенка, Гарри снимает с себя куртку с футболкой и обрабатывает антисептиком руки по локоть.

Вау... это... либо я умерла и попала в рай, либо у Гарри охрененный пресс, как у моих книжных мужиков. А эти татуировки, украшающие грудь и руки? Матерь божья, анализирую это, когда рожу.

— Сейчас. Давай.

Я кричу. Мир сужается до боли, дыхания и его голоса. Я тужусь, как будто от этого зависит вся вселенная. Наверное, так и есть.

— Отлично. Еще раз. Ты справляешься.

Я всхлипываю и сжимаю в ладони его руку, упирающуюся в сиденье рядом с моим бедром.

— Это так странно, — бормочу в истерике, когда потуга отступает на мгновение.

— Да, — в его голосе вдруг появляется что-то мягкое и

теплое. — Не так я себе представлял... — он прочищает голос. — Не важно. Продолжай, Лолс.

Еще одна потуга, и вдруг все становится... иначе. Боль не исчезает, но отступает, словно уступает место чему-то большему.

— Хорошая девочка, — воркует он ласковым тоном, снимая тяжелый страх с моих плеч. — Еще чуть-чуть, Лола. Последний раз. Давай.

Я собираю в себе все — злость, одиночество, целый год страха и огромную любовь к моему сыну — и толкаю куда-то вперед.

И потом раздается крик.

Громкий. Настоящий. *И живой.*

Я задыхаюсь, не сразу понимая, что это не я.

— Он... — голос Гарри дрожит. Впервые в нем слышится что-то неуверенное и очень *хрупкое*. — Он родился.

Он осторожно поднимает маленькое, скользкое, теплое существо и кладет мне на грудь. Мой сын.

Только мой.

Я смотрю на него — сморщенного, красного, орущего на весь этот чертов снежный апрель — и вдруг чувствую, как что-то внутри меня окончательно встает на место.

— Привет, — шепчу я, прижимая его к себе. Мои слезы касаются его бархатных щек. — Я очень тебя ждала. Ты все-таки не послушал тетю Мию.

Он замолкает. Его пальчики сжимаются, цепляясь за мою

кожу. Малыш такой теплый, несмотря на холод вокруг. Он такой... светлый, сияющий, как капля росы в утреннем весеннем солнце.

Гарри нависает рядом, весь в крови, покрывающей его кожу с мурашками, и смотрит на нас так, будто видит чудо.

— Ты справилась, — говорит он тихо. — Вы оба.

Вдалеке наконец раздаются сирены, а я поднимаю взгляд на человека, который первым взял моего сына на руки.

— Эйприл. Лео Эйприл Эванс.

Ведь нужно придерживаться пожарного календаря.

Глава 1. Гарри

Ноябрь

Я любил ее.

Я любил ее, когда мне было пять, а она только родилась. Это кажется немыслимым, но мое детское сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда я впервые увидел ее.

Я любил ее, когда мне исполнилось пятнадцать, а ей всего десять. Любовь тогда не имела плотских очертаний, а представляла собой нить, которая тянулась от моей души к ее.

Я любил ее в двадцать, когда в пятнадцать лет ее впервые поцеловал одноклассник.

Я любил ее в двадцать один, когда умерла мама, а она испекла кексы с черникой, потому что это, по ее словам, избавляет от боли хотя бы на два укуса.

Я любил ее в ее восемнадцать с влюбленным взглядом, направленным на моего друга.

Я любил ее в двадцать четыре, когда умер отец и мой мир рухнул, а она обняла меня так крепко, что невозможно было дышать.

Я любил ее в двадцать пять и в ее двадцатилетие, на которое подарил лимитированное издание ее любимой книги.

Я любил ее, когда первым увидел ее ребенка.

Я не помню дня, когда не любил ее.

— С днем рождения, Лолс, — шепчу я в волосы, пахнущие клубникой и сладостью детской присыпки. — Тебе уже двадцать четыре.

Я люблю ее в ее двадцать четыре, когда она все еще понятия не имеет о моих чувствах.

Наши объятия крепчают с каждой секундой, пока мои руки отказываются покидать плечи Лолы, а ее холодные ладони — мою талию.

— Спасибо, что пришел, — говорит она тихо.

Как будто я хоть раз пропустил ее день рождения. Хотя нет, один раз все же не смог прийти, потому что был прикован к больничной койке.

Между нами разливается тепло, и на мгновение я думаю, что это мое дурацкое сердце наконец-то разрывается к чертовой матери. Но нет, тепло разливается в буквальном смысле.

Лола ахает и резко отстраняется. Ее щеки покрываются нежно-розовым румянцем, соответствующим оттенку ее волос. Я опускаю взгляд и вижу на своей футболке небольшое мокрое пятно размером... с ее левую грудь.

— О боже, прости, — она проводит рукой по лицу, на котором отражаются следы недосыпа. — У Лео получился большой перерыв между кормлениями, и мои сиськи просто сходят с ума.

Я чувствую себя последним подонком, но ничего не могу

поделаться с тем, что мой член реагирует на то, что *ее сиськи сходят с ума*. Добавьте к этому мокрое пятно на ее цветастом платье, которое подчеркивает сосок, и я, черт возьми, мертв.

— Все сходят с ума при виде меня, Лолс, — улыбка растягивает мои губы. — Это нормально.

Она шлепает мне по плечу.

— Нет, не нормально, мы продолжаем попадать в эти странные ситуации, — стонет она. — Как будто нам мало того, что ты буквально достал из меня ребенка, поэтому нужно добавить еще и грудное молоко на твой дурацкий пресс.

— Тут я поспорю, — я толкаю ее плечом, когда мы идем по коридору в гостиную. — Мой пресс идеальный.

Она щипает меня за бок.

— Когда ты успел стать таким самодовольным?

— Я таким родился.

Она фыркает и убегает на второй этаж, чтобы, видимо, переодеться и справиться со своей грудью. Мой мозг заполняют образы того, как она сжимает ее в своих изящных пальцах, и я чуть не стону. Посмотрев в потолок и взяв себя в руки, вхожу в гостиную, уже заполненную людьми, которых я знаю всю свою жизнь.

— Дорогой, что с твоей футболкой? — спрашивает Элла Саммерс, ставшая мне второй мамой после того, как я остался без семьи. — Сколько раз я говорила, что не стоит ничего есть, когда ты уже одет? У вас, мужчин, проблемы с метко-

стью.

— О, Элла, — ухмыляется ее муж Рид, — у меня нет никаких трудностей с меткостью.

Он обводит рукой своих детей, которые раздражаются стонами и рвотными позывами.

— Рид! — ахает Элла.

Я целую ее в щеку, а потом обнимаю Рида. Эти двое могут быть очень, *очень* странными, но то, как они любят своих детей и меня, сводит все их причуды на нет.

— Когда-нибудь настанет день, когда моя семья станет нормальной, — заключает Марк, откидываясь на спинку дивана.

— Верь в это, — ухмыляется мой лучший друг Томас, поглаживая бедро своей жены Джеммы, уютно расположившейся у него на коленях.

Эта гостиная слишком мала для всех людей, собравшихся в ней, но мне все же удастся найти одинокий табурет рядом с родителями Лолы.

— Где наша девочка? — спрашивает ее отец, Джеймс Эванс. Он единственный, кто одет в костюм-тройку. Обычно он надевает его на официальные мероприятия, потому что должность мэра Флэйминга требует этого. Но, думаю, день рождения дочери тоже входит в число самых главных торжеств в жизни отца.

— Она... — я опускаю взгляд на пятно грудного молока на своей футболке. — Пошла к Лео.

— Этот товарищ спит уже три часа, — кивает ее мама, Руби. — Пора вставать, иначе ночью он опять устроит ей ад.

Как раз в этот момент в широком дверном проеме появляется «наша девочка» в новом платье с васильковым принтом. Одной рукой она держит Лео, уютно устроившегося на бедре и склонившего голову на ее плечо.

Боже, она прекрасна.

У меня, как и всегда, пересыхает во рту, когда я отмечаю изящные ключицы и шею с бледными веснушками, все еще сохранившими тепло ушедшего лета. Стройные ноги с тремя шрамами на колене, оставшимися после того, как в одиннадцать лет она упала с лошади. Васильковый цвет платья подчеркивает ее ярко-зеленые глаза, превращая эту девушку в богиню лета.

Лео сонно моргает и тянется своей пухлой ручкой к ее декольте. Лола успевает перехватить его ладошку до того, как он сожмет грудь.

— Ты только что поел, мистер. Имей совесть.

— Он истинный мужчина, милая, — говорит Руби, делая глоток шампанского.

— Согласна, — кивает Делайла, мама Нила. — Алан до сих пор не имеет совести.

Раздается новая череда ругательств от детей, которые давно не дети, и ворчание Нила:

— Вы можете хоть раз быть не такими неловкими?

— Что естественно, то не безобразно, сынок, — отец по-

хлопывает его по плечу.

Лола опускает Лео на детский игровой коврик посреди гостиной, где Лили играет со своей дочерью Джулией. У них парный наряд, состоящий из розовых платьев.

Джулии уже больше года, поэтому неуверенными шагами она ковыляет к Лео и вцепляется в его светлые вьющиеся волосы.

Мы все шипим, представляя, как это неприятно.

— Джулия Саммерс! — Марк строго, но с нежностью смотрит на дочь. — Ты не можешь постоянно таскать его за волосы.

Лили хихикает и пытается освободить из мертвой хватки Джулии волосы Лео, который, к счастью, сохраняет спокойствие лабрадора.

— Она просто всегда берет дело в свои руки.

— Вся в мать, — хмыкает Марк.

Лола опускается на пол рядом с детским ковром, и ее спина оказывается прямо передо мной. Я ощущаю аромат ее духов, вызывающий мурашки по всему телу. Мягкий изгиб лопаток манит меня провести по ним кончиками пальцев, но, как и всегда, я сжимаю руку в кулак и отвожу взгляд.

К черту мою жизнь.

— Боже, почему я родилась в ноябре? Мам, ты не могла выбрать не такой дождливый месяц? Мы даже не можем выйти на улицу, потому что нас сдует ветром.

— Не то чтобы я могла повлиять на день твоего рождения,

тебе ли не знать, — усмехается Руби.

Лола фыркает от смеха.

— Верно.

Я потираю челюсть, стараясь скрыть широкую улыбку. День родов Лолы отпечатался в моей памяти так ярко, поэтому теперь я не уверен, что его что-нибудь переплюнет.

Я ни разу в жизни не испытывал такого ледяного страха. Даже огонь, лижущий кожу, не пугал меня так сильно, как маленькая жизнь, появившаяся на свет в тот день. Ответственность за жизнь Лолы и Лео лежала в моих руках, и все, что я мог делать, — это всем своим существом добиваться того, чтобы они оба были здоровы.

До сих пор, каждый раз, когда я смотрю на Лео, перед глазами всплывает картина, как четкая фотография, на которой в моих руках оказалось теплое, живое и такое маленькое существо.

Прошло семь месяцев, а сердце не перестает замирать, когда этот ребенок смотрит на меня таким же, но, может быть, более осознанным взглядом, как когда мы впервые встретились.

В черед шумных разговоров и тостов за здоровье и терпение Лолы я забываю о ноющем чувстве тревоги, преследующем меня с того момента, как я вышел из комы. Спустя больше года мое тело все еще не мое. Такое ощущение, что за месяцы комы моя душа поселилась совсем в другом организме.

Организме, который не слушается. Организме, где все органы чувств обострены. Организме, который мне пришлось заново настраивать, как новый смартфон.

Неожиданный стук в дверь заставляет лопатки Лолы напрячься.

— Кто это?

Она опирается на руку и встает, оглядывая присутствующих, словно пересчитывая всех, чтобы убедиться, что все близкие ей люди на своих местах. Пожав плечами, она уходит, и спустя пару минут из прихожей доносятся визги, крики и сопливые шмыганья носом.

— Не могу поверить, Мия! — верещит Лола. — У тебя разгар учебы!

Взгляд ловит подергивание ноги Нила, как только он слышит это имя. Его лицо превращается в нечитаемую маску, а рука крепко сжимает стакан с виски.

— У моей самой лучшей, самой сексуальной подружки с огромными сиськами день рождения!

— Мои сиськи не такие уж огромные.

Ага, расскажите мне.

С того момента, как Лола забеременела, они увеличились вдвое, а после родов стали еще больше. Я бы не сказал, что они огромные, скорее... красивые и созданные для моих рук. Такие красивые, что приходили ко мне во снах больше раз, чем хотелось бы признать.

И вот опять все свелось к ее груди.

— Я правильно понимаю, что они... — откашливается Томас.

— Меряются сиськами? — подсказывает Люк, самый младший и самый беспардонный член семьи Саммерс.

— Да, именно это они делают, — кивает Джемма, хихикая.

— Твои больше! — ахает Лола.

— У наших девочек просто нет комплексов, — отмахивается Руби, поднимая бокал в сторону Эллы. — Это прекрасно.

В чем-то я с ней согласен, однако... у всех есть комплексы. Просто ее дочь очень умело их скрывает. Я не думаю, что хоть один человек в этой комнате, несмотря на любовь к Лоле, знает, что именно терзает ее изнутри. Ведь вечная улыбка и целый вагон неловких ситуаций, в которые она постоянно попадает, не дают никому увидеть настоящую Шарлотту Грейс Эванс.

Это не значит, что внутренний мир этой женщины известен мне больше, чем остальным. Просто... я не могу это объяснить.

Даже если Лола не чувствует связи между нами, ее чувствую я. И всегда знаю, что ее тревожит, что у нее болит и что не дает ей спать по ночам. Может, у меня нет ясных и четких ответов на некоторые вопросы и тайны, но иногда мне достаточно просто взглянуть на нее, чтобы понять, что что-то не так.

В гостиную влетают Мия и Лола, держась за руки.

— Вы не поверите, кто приехал! — восторг озаряет лицо Лолы, отчего ее глаза становятся еще ярче.

— Поверим, — кивает Марк. — Она же буквально стоит в одной комнате с нами.

Моя грудь вибрирует от смеха. Сухой юмор Марка иногда очень освежает.

— Фу, все такой же скучный, — ворчит Мия, целуя в щеки родителей и всех своих братьев.

— Тебя не было три месяца, вряд ли Марк резко станет лучиком счастья, — добавляет Люк.

— Он такой только с Лили, — говорю я, беря бутылку пива, которую мне протягивает Лола.

Наши пальцы соприкасаются на долю секунды, может, меньше, но я успеваю задержать дыхание, как какой-то подросток. Лола же даже не обращает внимания на это электричество, чуть не взрывающее бутылку пива, и улыбается Мие.

— Как тебе удалось приехать? Ты говорила, что этот семестр будет напряженным.

— Так и есть, — тяжело вздыхает Мия, опускаясь на детский коврик и заключая Лео в крепкие объятия, сопровождаемые звонкими чмоканьями в щеки. — Ого, парень, ты стал таким большим! Уверена, в следующий раз, когда я приеду, мы сможем отправиться в бар.

— Ты не поведешь моего ребенка в бар.

— Если только ты не соизволишь вернуться спустя лет

двадцать, — хмыкает Нил, делая глоток виски.

Его глаза встречаются с разъяренным взглядом Мии поверх бокала.

— А я вижу, палка у кого-то в заднице сидит все так же глубоко.

— Правда? — Нил прикладывает руку к груди. — Как я счастлив, что ты призналась в своем недуге.

Люк присвистывает, а Марк протягивает ногу и пинает Нила.

Динамика между Нилом и Мией действительно кардинально изменилась с того момента, как Мия уехала учиться в Нью-Йорк. Причин этого никто не знает, но теперь они больше похожи на кошку с собакой, чем на лучших друзей, которыми всегда были.

— Не ссорьтесь, дети, — Делайла выступает миротворцем. — Давайте дружно отпразднуем день Лолы.

— Да, — хлопает в ладоши Лола. — Я жду свои подарки и торт!

Руби поднимается со своего места и направляется на кухню.

Дом Лолы, передавшийся ей по наследству от прабабушки, устроен просто и «по-старому»: от прихожей вглубь тянется узкий коридор с потертым деревянным полом, который поскрипывает при каждом шаге. Он ведет прямо к лестнице на второй этаж с крутыми ступенями и перилами, отполированными ладонями нескольких поколений.

Слева от коридора располагается гостиная, где мы и находимся, с небольшим диваном, креслами и камином, над которым висит семейная фотография Эвансов. Справа — кухня, всегда немного теплее остальных комнат, с запахом кофе, древесины и чего-то домашнего, присущего только Лоле.

Немыслимо, как хорошо я знаю этот дом и женщину, которая в нем живет.

В кухне звякает посуда, хлопает дверца шкафа, и спустя мгновение Руби возвращается с тортом, на котором горят свечи. К ней присоединяется Джеймс, и они поют для своей дочери «Happy birthday to you».

На третьей строчке присоединяются все остальные, и даже Лео что-то воркует на своем языке.

Множество свечей озаряет лицо Лолы, когда она закрывает глаза, чтобы загадать желание. Теплые отблески пляшут на ее светлой коже с крошечными веснушками, а ресницы отбрасывают тень на румяные щеки. Она распахивает веки, и ее глаза цвета свежескошенной травы встречаются с моими за секунду до того, как дым от погасших свечей прокладывает ленты по воздуху.

— С днем рождения меня, — тихо говорит она.

Гостиная взрывается аплодисментами, свистом и криками, будто Лола только что выиграла «Оскар».

— Подарки! — кричит Люк, уже таща к ней первый пакет. — По старшинству, конечно же, с меня.

— Ты младший, — хмыкает Марк.

— Зато самый красивый, — парирует Люк.

Лола заливается смехом, который я могу узнать с другого конца города, и, взяв с коврика Лео, опускается вместе с ним на диван. Он недавно научился сидеть, поэтому чувствует себя на седьмом небе от счастья, имея возможность смотреть не только в потолок или пол. Подарки летят к ногам Лолы один за другим, и она вместе с малышом рассматривают каждый.

От родителей — серьги с маленькими бледно-розовыми камушками. Лола прикрывает рот ладонью и Руби обнимает дочь так, будто она снова стала маленькой.

От Томаса и Джеммы — подарочный сертификат спа в Миссуле и шуточная открытка: *«Чтобы иногда быть не только мамой, но и женщиной»*.

От Лили и Марка — три книги с красивыми обрезами.

От Мии — новый Kindle.

— Я знаю, ты жутко страдаешь после того, как раздавила старый своей задницей.

— Эй! — Лола бросает в нее оберточную бумагу. — Я просто была уставшей из-за коликов Лео.

Я сижу чуть в стороне, с маленькой коробкой на коленях, и чувствую, как потеют ладони. Господи, мне двадцать девять лет. Пора уже перестать задыхаться при виде Лолы.

Глупо. Мне доводилось вытаскивать людей из огня, держать жизнь в руках, смотреть смерти в лицо, и все равно сейчас я нервничаю сильнее, чем когда-либо.

Лола поднимает взгляд и встречается с моим.

— Ты долго будешь притворяться еще одним предметом мебели? — улыбается она.

— Я просто... — прочищаю горло. — Хотел подождать.

Я поднимаюсь и подхожу ближе, протягивая ей коробку. Она небольшая, аккуратно упакованная в перламутровую бумагу без банта и лишнего шума.

— С днем рождения, Лолс.

Она берет ее осторожно, словно чувствует, что внутри не какая-то безделушка. Секунда, и бумага тихо шуршит под ее пальцами. Лео сразу же начинает играть с упаковкой, пытаюсь засунуть в рот каждый клочок. Я приседаю и перехватываю его слюнявые руки. Он возмущается лишь пару секунд, но, когда встречает мое подмигивание, дарит всей комнате широкую беззубую улыбку.

Я щекочу его ладошку, пока Лола аккуратно достает тонкую цепочку с кулоном в виде раскрытой книги с витиеватой «Л» по центру.

В комнате становится тише. Не нарочно, просто так всегда выходит, когда струна между мной и Лолой натягивается, издавая мелодию, слышную только нам.

Ну, или только мне.

— Гарри... — выдыхает она. — Он... он невероятный.

— Он подходит тебе, — говорю я, хотя она еще даже не надела его.

Я просто знаю, что он подходит только ей. Лола всегда хо-

тела не только читать. Она хотела писать, путешествовать, исследовать этот безумный мир. Вдохновляться и вдохновлять.

Может, когда-нибудь она посмотрит на этот кулон и начнет это делать.

Она встречается со мной глазами.

— Можно... ты поможешь? — тихо просит она, убирая волосы с шеи и поворачиваясь ко мне полубоком.

Я встаю и подхожу ближе. Так близко, что чувствую тепло ее кожи, слышу дыхание, ощущаю, как весь мир сужается до этого жеста. Мои пальцы слегка дрожат, когда я застегиваю цепочку. Кулон ложится ей между ключиц — туда, куда я всегда запрещал себе смотреть слишком долго.

— Спасибо, — шепчет она, не оборачиваясь. — Это прекрасно.

Я отступаю на полшага. Ровно настолько, чтобы не перейти черту.

Вечер продолжается. Смех, торт, разговоры, Лео, который спустя несколько часов устает и устраивает истерику такого масштаба, что к нему присоединяется Джулия просто за компанию. Ну или чтобы мы не расслабились.

К концу вечера, когда многие уже расходятся по домам, Лола оказывается рядом со мной на кухне, пока я наливаю себе стакан воды.

Пейджер в моем кармане издает звук, и мы замираем.

— Итак, — говорит она, опираясь бедром о столешницу,

— ты носишь его даже в туалет?

Я делаю глоток воды, не подавая вида.

— Нет, только в ванную.

Она закатывает глаза и скрещивает руки на груди.

— Почему ты с пейджером, если у тебя выходной, Гаррисон?

И вот мы перешли к полному имени.

— Так надо, — я ополаскиваю стакан и ставлю его на сушилку. — Полезно владеть информацией.

Она ничего не говорит, лишь смотрит на кулон, а потом на меня.

— Это очень продуманный подарок.

Потому что я знаю тебя.

— Потому что, вопреки мнению Флэйминга, я умею думать? — я усмехаюсь и опираюсь бедрами на столешницу рядом с ней. — Ты любишь книги.

Лола набирает, кажется, полную грудь воздуха, чтобы что-то сказать, но в итоге сохраняет молчание. Оно повисает между нами не тяжестью, а скорее облаком — густым туманом, не дающим мне открыться ей.

Столько лет мой мир начинается и заканчивается ею, и столько же лет я не могу набраться смелости, хотя никогда не был трусом. Дело не в том, что страшно быть отвергнутым. Поверьте, когда ты безответно влюблен столько лет, это уже не пугает.

Я больше волнуюсь, что это может изменить нашу...

дружбу? Да, наверное, ее. Я просто не хочу потерять Лолу из-за какой-то неловкости, которая может сопровождать мою любовь, если она ее не примет.

— У тебя все еще пятно на футболке, — в конце концов тихо говорит она.

— Хочешь, чтобы я ее снял?

— Ты такой ...

— Невероятный? — приподнимаю брови я, подсказывая ей. — Неотразимый?

— Боже! — вспыхивает она, и ее молочная кожа моментально розовеет. — И как тебя терпят твои женщины.

Я прикусываю губу, чтобы не ляпнуть, что не помню, когда рядом со мной кто-то задерживался больше, чем на одну ночь. А теперь, когда моя спина выглядит, как поле боя, то и вовсе хотя бы стоял рядом.

— Я компенсирую это другими своими талантами, — я толкаю ее плечом и она, оставаясь верной своей неуклюжести, путается в собственных ногах и чуть не валится на пол.

— Ради бога, не стоит падать передо мной на колени в свой день рождения, Эванс, — я подхватываю ее под локоть и помогаю обрести равновесие. — Хотя не виню тебя, соблазн велик.

Она хрипло смеется, и мы вновь становится плечом к плечу, охраняя кухонные шкафы.

— Ты всегда рядом, Гарри, — наконец говорит она, устало кладя голову мне на плечо. — Спасибо.

Я не говорю ей «пожалуйста» или «не за что». Вообще не говорю ничего, потому что она озвучила факт. И меня не нужно благодарить за это.

Я всегда рядом, потому что хочу этого. Я всегда рядом, где бы она ни была.

Глава 2. Лола

Март

Я резко закрываю книгу, а потом открываю ее снова и перечитываю последнее предложение.

Закрываю.

И вновь, черт возьми, открываю.

— Не может быть! — кричу я шепотом в подушку, чтобы не разбудить Лео.

Он ворочается рядом со мной, и я поглаживаю его по переносице указательным пальцем. Это что-то вроде заклинания для сна. Стоит погладить переносицу, и Лео готов проспать еще хотя бы минут тридцать, чтобы его сумасшедшая мать дочитала главу.

Я удерживаю одной рукой книгу, а другой продолжаю гладить нежную кожу. Считаю, что мне нет смысла ложиться спать, если последние недели во время прорезывания зубов Лео просыпается каждые сорок минут.

Так что, пожалуй, я заглушу усталость тем, что главный герой романа только что признался нам, что *вообще-то* влюбился в героиню с первого взгляда. Это первая глава от его лица. На девяносто первом проценте книги.

Да вы с ума сошли?

Нельзя такое проворачивать за девять процентов до конца.

Кто запрещает? Я.

Я запрещаю, потому что сейчас мне придется вернуться и посмотреть на его поступки с совершенно другой стороны.

Так значит, он не просто так при первой встрече заставил ее облизать его ботинки? Я знала, просто знала, что в этом скрыт какой-то смысл. Ведь после этого он назвал ее хорошей девочкой. Теперь он видит ее слезы, слизывает их с щеки и говорит, что заставит ее обидчика копать себе могилу.

Мои щеки горят, а из горла рвется писк, который я сдерживаю с божьей помощью, не иначе. От чрезмерного напряжения между мной, героями и моей бедной губой, которую я сгрызла к чертовой матери от волнения, книга выпадает из рук, приземляясь прямо мне на лицо.

— Ауч, — бормочу я, потирая нос, погребенный под обложкой.

Если скосить глаза, то мне все еще видна его последняя реплика: *«Я сожгу ради тебя мир и буду пировать на костях человечества»*.

Нет, нет, дорогой, только что ты сжег меня.

Я убираю книгу и пытаюсь остудить холодной ладонью лицо, пылающее так сильно, словно это меня, а не главную героиню, оттрахали в какой-то богом забытой часовне.

Я бы не отказалась, если вы меня спросите.

Лео кряхтит, а потом резко переворачивается на живот и

вскидывает голову. На его лице появляется улыбка, как только он смотрит на меня. Что дети имеют против сна и почему они так рады пробуждению? Загадка Бермудского треугольника.

— Ну привет, букашка, — бормочу я, перетягивая его к себе на живот. — Идешь на рекорд. Целых сорок пять минут без пробуждения.

Лео утыкается носом мне в грудь и начинает искать доступ к соску, как какой-то крот. Я помогаю ему, освобождая грудь и усаживая нас так, чтобы он оседлал меня и обхватил ручками свой святой источник еды.

Громкое ритмичное причмокивание заполняет тишину комнаты.

— Не спеши, — шепчу я, поглаживая его кучерявую шевелюру.

Где раздобыть бальзам, который сделает мои волосы такими же мягкими?

И я вообще молчу про его ресницы длиной в милю. А эти ярко-голубые глаза? Им бы позавидовал даже Деймон Сальваторе. А все мы знаем, что у него самые красивые голубые глаза среди всех мужчин, и масса других достоинств.

Вернемся к моему сыну.

По моему *честному и скромному* мнению, он самый красивый ребенок, который когда-либо рождался на Земле. На других планетах не проверяла. Говорят, там нет жизни, но мы действительно будем верить тем, кто своими ногами сто-

ял только на Луне?

Лео заканчивает трапезу, я целую его в лоб и похлопываю по спинке до тех пор, пока не выйдет воздух, которого он наглотался, как одичалый, когда думал, что его мать с минуты на минуту навечно прекратит грудное вскармливание.

Если честно, это действительно пора сделать.

Только вот я пока что морально не готова к тому, чтобы сын возненавидел меня и устроил истерику, которую услышала бы вся Монтана.

Говорят, что если дистанцироваться от ребенка во время завершения кормления, то все происходит легче и безболезненнее, но куда мне дистанцироваться? В другой угол комнаты, пока он будет орать, а мое сердце — обливаться кровью?

Совесть не позволит мне отдать Лео родителям, а самой попить мартини (Боже, как я хочу мартини!) на веранде.

Я была бы дурой, если бы каждый раз отказывалась от помощи, потому что в моей ситуации без этого не обойтись. Но у меня есть грани, которые я отказываюсь переступать, даже если мама каждый раз предлагает мне переехать к ним.

Нет. Просто нет.

Это мой ребенок. И мы справляемся.

У нас все замечательно.

И если повторять это каждое утро и каждое ночное пробуждение, то можно почувствовать себя супермамой. Жаль только без плаща. Я бы выбрала фиолетовый или розовый,

покрытый блестками.

Мне кажется, я бы классно смотрелась в каком-нибудь обтягивающем комбинезоне, ботфортах, как у Эластики из «Суперсемейки», и блестящем плаще. И с Лео на бедре. Мы бы спасли этот бранный мир.

Я тянусь к телефону и захожу в чат с подругами под названием, которое я считаю гениальным. И не потому, что его придумала я.

«Дурка».

Я: *Как вы думаете, мне бы пошел плащ?*

Черт, еще слишком рано, чтобы мне кто-то ответил.

Появляются две галочки, свидетельствующие о прочтении сообщения. Я улыбаюсь, этот чат работает как круглосуточный магазин, в котором ты резко захотел купить чипсы в полночь.

Лили: *Типа дождевик?*

Мия: *Думаю, она о тренере.*

Мия: *О тренде.*

Мия: *О тройке.*

Мия : *Черт побери! Вы поняли.*

Я: Да, Мия, о тренче. Не о тренде и не о тройке, но если ты можешь предложить мне тренера (желательно с поясом Адониса), то я открыта к предложениям *подмигивающий смайлик*.

Когда каждый участник диалога совершает опечатки в каждом слове, словно это олимпийский вид спорта, учишься

понимать сказанное по одной букве.

Я: *Я имею в виду блестящий плащ, как у супергероя.*

Я: *Супергероини.*

Лили: *Он будет кожаным?*

Мия: *Может, латекс, как в порно? И нет, у меня нет тренера *рыдающий смайлик*.*

Я: *Нет, с блестками.*

Они молчат пару минут, а потом одновременно отвечают.

Лили: *Однозначно да.*

Мия: *А почему мы обсуждаем это, если Хэллоуин прошел?*

Джемма: *А почему мы, черт возьми, не спим?*

Я меняю Лео подгузник и смотрю на время. Пять утра.

Самое время сказать:

— Это будет хороший день. Мы справимся.

Он улыбается мне беззубой улыбкой. Его воспаленные десны такие красные, что у меня сжимается сердце.

— Ничего, ничего, — я сажаю его на бедро и целую в лоб.

— Скоро у тебя вылезет первый зуб, и ты сможешь укусить Джулию в ответ. Только никому не говори, что я тебе это сказала, ладно?

Лео издает какой-то булькающий звук изо рта, полного слюней, и грызет палец.

Мы заходим на кухню, залитую первыми лучами утреннего весеннего солнца. Я встаю напротив окна, выпитывая витамин D с закрытыми глазами до тех пор, пока Лео чуть ли не

делает сальто назад, чтобы выбраться из моих рук.

Я сажаю его в детское кресло и достаю из холодильника кусочек охлажденной морковки. Это должно хоть немного успокоить десны. Он вгрызается в нее с остервенением льва, преследующего газель.

Телефон пиликает от входящих сообщений. Я поглядываю в экран, пока одной рукой снова и снова поднимаю кусок моркови, мою и отдаю Лео обратно, другой делаю кофе без кофеина (богохульство), а ногой закрываю холодильник.

Девочки в чате продолжают обсуждать все на свете, ведя несколько веток разговора на темы, полностью противоречащие друг другу. Я пытаюсь за ними угнаться, но это все равно что пытаться догнать Усэйна Болта.

От первого глотка *некофе* у меня чуть не закатываются глаза. Это хорошо, даже если отвратительно. Интересно, когда я смогу выпить нормальный кофе, то испытаю оргазм? Думаю, да.

С оргазмами вообще ситуация критическая. Я бы сказала, что давно пора послать сигнал SOS, но ничего, мы — я и моя госпожа Виолетта — справляемся. И да, у моей вагины есть имя. И да, это лучше, чем другие названия. Задумывались ли вы, что мужчинам даже в этом больше повезло? Ведь у их члена нет названия «вагина», больше ассоциирующегося с болезнью по типу ангины, чумы или какой-нибудь ветрянки.

Лео опять роняет морковь, я опять ее мою и опять возвращаю ему. Потом он просит пить, крича так драматично,

будто провел сорок дней в пустыне.

— Почему вы, мужчины, такие нетерпеливые? — бормочу я, закручивая крышку поильника.

Лео швыряется морковью, а потом пытается вылезти из кресла для кормления.

— Нет, товарищ, — я опускаю его обратно и вручаю поильник, чтобы он занял свои руки и рот хотя бы на минуту. — Я пью некофе, ты пьешь воду, договор?

Он хлопает глазами и запрокидывает голову, поднося ко рту поильник.

Я со вздохом опускаюсь на стул, закрываю глаза лишь на мгновение и пытаюсь ощутить райское наслаждение от остывшего некофе, напоминающего по вкусу разведенную в воде землю.

Растянувшись на столе и положив под голову руку, быстро оплачиваю необходимые счета за этот месяц. Заказываю подгузники, влажные салфетки, новую пустышку и еще целый список чего-то, что явно не является книгами, к сожалению.

Я пролистываю сообщения на телефоне.

Лили: @Lols Тебе помог тот крем от растяжек, который я тебе советовала?

Я быстро захожу в галерею, чтобы отправить фото, и именно в этот момент Лео швыряет в меня свой поильник-непроливайку.

Вода заливает мое лицо и экран.

— Лео! — ахаю я. — Ты мне чуть в глаз не попал. Хочешь, чтобы твоя мать ходила с фингалом, как милашка Бетти с Девятой улицы?

Милашка Бетти — это одна из старожилов Флэйминга. Она милашка. Но милашка только тогда, когда пьяна в стельку. Я вообще считаю, что у нас в городе самые вежливые алкаши. Они всегда открывают для меня двери, хотя явно спешат на экстренное заседание в «Пей или уходи». Джентльмены, не иначе.

Я вытираю себя, телефон и стол Лео, забрызганный водой. Зачем вообще нужны непроливайки, если из них все выливается?

За утренней рутинной я не замечаю, как пролетает время. Когда на часах мигает десять утра, с ужасом понимаю, что пора выходить на пробежку (я что, зря купила специальную коляску для спортивных мам?), а я еще даже не умылась, зато три раза помыла пол на кухне.

Я сажаю Лео в манеж, ставлю видеоняню и хватаю телефон, чтобы иметь возможность наблюдать из ванной, но... резко замираю, когда вижу множество уведомлений на телефоне.

Их столько, что мой большой палец в какой-то момент устает листать.

Самое страшное? Они не только в чате «Дурка».

Лоб покрывается испариной, когда я осознаю, что, скорее всего, фото, которое я хотела отправить Лили, увидела... по-

ловина Флэйминга?

Я пролистываю диалоги.

«Дурка», Нил, миссис Трент, папа, Эрик Механик, старушка Роуз, Люк Самый Красивый Саммерс, Гарри...

Матерь Божья. Я даже не чувствую своего дыхания, не говоря уже о сердцебиении.

И именно в эту секунду приходит ответное сообщение от Гарри.

Я смотрю на слова, как если бы впервые увидела буквы, пока сердце барабаном отдается в ушах.

Дрожащим пальцем я нажимаю на диалог.

— Бог ты мой, — шепчу. — Бог ты мой! — уже кричу.

Я тупо стою посреди гостиной и смотрю в экран телефона, где моя задница в полупрозрачных трусиках с вышитой клубникой желает привлечь внимание Гаррисона Эшфорда.

Я: *Посмотри на эту попку и, пожалуйста, не завидуй.*
Фото

Гарри: *Я завидую, но не смотрел.*

Я печатаю дрожащими пальцами.

Я: *Правда?*

Гарри: *Классные трусики, Лолс.*

Я отбрасываю телефон на диван, будто он в огне, и закрываю лицо руками. Что мне делать? Что мне делать со своей задницей во всех этих чатах?

Я беру себя в руки и быстро удаляю подчистую все чаты, где сообщения не прочитаны. Из самого ужасного остается

Люк, у которого стоит запрет на удаление.

Что за человек? Кто так вообще делает?

А еще миссис Трент, которая прочитала и ответила, что мне нужно схуднуть.

Спасибо, старая карга, я знаю.

Сложно не знать об этом, когда после родов мое тело больше не выглядит как с картинки из Pinterest. Растяжки покрыли бедра, грудь и низ живота, словно я решила стать тигром.

К тому моменту, как я заканчиваю зачистку, руки ледяные и мокрые от тревожного пота.

Я возвращаюсь в диалог с Гарри, утопая в стыде, как в ванне с пеной.

Боже, только со мной происходят такие вещи. Ладно, будем винить во всем воду, потому что я не дура, чтобы винить ребенка. Проблема в воде. Это она попала на экран и начала хозяйничать на дисплее, как какой-то полтергейст.

Я глубоко вздыхаю и с гордо поднятой головой набираю сообщение.

Я: *Это сообщение предназначалось Лили, но случайно отправилось чуть ли не половине города. Но трусики у меня действительно классные, спасибо.*

Гарри: *Кто еще попал под удар?*

Я: *Это намек на то, что моя задница... ударная?*

Гарри: *Возможно, но я имел в виду тех, кто так же, как и я, увидел задницу Лолы Эванс во весь экран ранним утром в понедельник.*

Я стону и быстро печатаю.

Я: *Зато какой бодрый понедельник, скажи? Из плохого остался Люк, остальное я успела удалить. Миссис Трент сказала, что мне нужно похудеть, а старушка Роуз подумала, что это спам, и заблокировала меня. Папа, слава богу, все еще не научился пользоваться смартфоном, предпочитая электронную почту на компьютере. О, еще фото попало к Эрику Механику, но он просто поставил палец вверх. Я удалила. Как думаешь, он понял, что это я? Там ведь нет моего лица, и не думаю, что у него сохранен мой номер. Сможет ли он узнать меня... эм... по попе?*

Гарри: *Я разберусь.*

Я: *Можем ли мы сделать вид, что ты не видел эту задницу?*

Гарри: *О какой заднице речь?*

Я: *Понятия не имею.*

Я выдыхаю, когда он не отвечает.

Возможно, Гарри действительно сможет сделать вид, что никогда не видел этого фото.

По правде говоря, я была в более неловких моментах с этим мужчиной. Чего только стоят мои роды. Но сколько можно? Вселенная, сколько можно нас ставить в такие идиотские ситуации? Мои щеки в его присутствии скоро будут хронически красными, как если бы у меня на него была аллергия.

Я слегка успокаиваюсь, пока чищу зубы, но замираю с

щеткой в руке, когда раздается звук сообщения. Пена изо рта летит на зеркало, полностью отражая мою ненормальную жизнь и реакцию на слова на экране телефона.

Гарри: *Кстати, клубника — моя любимая ягода. И тебе не нужно худеть.*

Глава 3. Гарри

Я возвращаюсь домой после ночной смены и почти валяюсь с ног, но мне нельзя спать. Сначала нужно выгулять моих девочек, а заодно пробежаться и проветрить мозг, потому что раздражение гудит под кожей, как рой пчел.

Этой ночью было два вызова. И на обоих вызовах я обложился. Никто не заметил, что два раза я замирал как вкопанный, потому что у меня сводило то лопатку, то бедро, но достаточно того, что это заметил я.

Станет ли когда-нибудь мое тело снова нормальным? Вопрос, который я задаю себе с того момента, как открыл глаза в больнице и не смог пошевелить рукой.

Черт, да я даже языком пошевелить толком не мог.

Первые дни и недели моя речь ничем не отличалась от речи трехлетнего ребенка, который только учится выговаривать «р» и шипящие.

Я свистом подзываю Меган и Фокс, которые совсем не обращают внимания на возвращение хозяина домой. Они спят так крепко, что дом могли бы ограбить раз десять, а они бы поняли это только в тот момент, когда грабитель обронил бы какую-нибудь еду.

Вот тогда они бы сразу проснулись.

Девочки выбегают из гостиной, где спали на диване, на

котором я запретил спать, но кого это волнует?

— Привет, красотки, — я приседаю и почесываю их бока.
— Пробежимся?

Они начинают вилять хвостами и быстро переступить с лапы на лапу, цокая когтями по паркету.

Мы выходим на улицу, где из-за синих верхушек гор медленно поднимается солнце. Небо окрашивается в красный цвет с переливами фиолетового из-за мороза, который все еще хозяйничает мартовским утром.

Я глубоко вздыхаю и сбрасываю куртку, начиная разминаясь, пока собаки бегают вокруг дома. Скоро солнце полностью проснется и зальет светом озеро, на берегу которого я живу. Тогда мы сможем отправиться на пробежку, не рискуя провалиться в какой-нибудь овраг в темноте.

В кармане спортивных штанов вибрирует телефон. Я достаю его нехотя, боясь увидеть сообщение от Марка, в котором он снова отстраняет меня от работы на вызовах и заставляет быть дежурным по части.

Может, все-таки кто-то заметил мое состояние на вызовах и передал ему?

Настроение становится намного лучше, когда вместо имени моего ворчливого капитана на экране высвечивается *ее* имя.

Лола. В моем телефоне — просто Ангел. Ведь, кажется, им она и стала для меня.

Ангел: *Посмотри на эту попку и, пожалуйста, не зави-*

дуй. *фото*

Я стою. Не шевелюсь. Не дышу. Даже, черт побери, не моргаю и не глотаю.

Просто снова и снова перечитываю сообщение и смотрю на фотографию, где мне в ответ чуть ли не подмигивает задница Шарлотты Грейс Эванс. Задница женщины, которую я хочу видеть в своей спальне.

Я никогда не метил в святые, потому приближаю фотографию и рассматриваю мягкий изгиб ягодиц под тонкой сетчатой белой тканью с вышивкой маленьких клубник.

Я бы съел.

Жар разрастается в груди, клубится в животе и опускается в член, встающий как по команде. Рука дергается от желания провести по нему и смахнуть капельку возбуждения, уже выступившего лишь от одного взгляда на эту молочную кожу, на которой, держу пари, прекрасно смотрелся бы отпечаток моей ладони.

Черт возьми.

Я резко выдыхаю и плюхаюсь в скрипучее древнее кресло на пороге.

Эта женщина сведет меня с ума. Станет моей смертью. И даже после того, как я попаду в ад, она все равно будет иметь надо мной власть.

Понятия не имею, что делать с этим фото. Я же не могу просто лайкнуть его или сделать вид, что его не существует в нашем диалоге? Потому что оно существует. Оно заполняет

весь мой экран и прокручивается в голове даже тогда, когда мой взгляд направлен на горизонт.

Образ ее задницы теперь исчезнет из моей головы только если я снова впаду в кому.

И то не факт.

Скорее всего, даже в бессознательном состоянии я буду думать о пятой точке Лолы Эванс, чтобы скорее вернуться в мир живых. В конце концов, я восстанавливаю контроль над своими эмоциями, потираю грудь, в которой бешено стучит сердце, и отвечаю.

Я: *Я завидую, но не смотрел.*

Наглый врун. Смотрел, смотрю и буду смотреть.

Ангел: *Правда?*

Я: *Классные трусики, Лолс.*

Мои пальцы зудят, легкие горят, а губы растягиваются в ухмылке. Я просто не могу оставить это фото незамеченным.

Лола рассказывает мне о своем утреннем перле, таком свойственном ей, что я даже не удивляюсь. Радует лишь то, что ей удалось хоть немного потушить пожар раньше, чем он разгорелся. Мне нужно заставить Люка Саммерса удалить диалог с Лолой и не смотреть на эту фотографию. Ну или выколоть ему глаза, как вариант.

Меган и Фокс, покрытые грязью с головы до кончика хвоста, тянут из озера какую-то палку с водорослями, и при этом выглядят такими гордыми своей находкой, словно я должен вручить им премию.

— Девочки, мы не возьмем это домой! — кричу я.

Они удерживают палку с двух концов и смотрят на меня своими карими глазами.

— И не нужно смотреть на меня как на предателя.

Я взмахиваю рукой и призываю их следовать за мной.

Моя утренняя пробежка обычно представляет собой два круга вокруг озера, но раз Меган и Фокс решили устроить заплыв в только-только оттаявшей ледяной воде, то ни о какой пробежке не может быть и речи. Они подумали, что это отличная идея. Я же склоняюсь к тому, что им просто не слишком нравится бегать.

Добавьте к этому всему Лолу с ее красивой задницей, и мне явно, черт побери, не до занятий спортом. Нужно придумать, как дистанционно взорвать телефон Люка Саммерса.

Я звоню ему, он отвечает после пары гудков.

— Если ты звонишь мне, чтобы спросить, видел ли я задницу твоей девушки раньше, чем она показала ее тебе, то мой ответ...

— Заткнись, — чуть ли не рычу я.

Всегда знал, что совершил ошибку, разболтав свой секрет Люку, когда на мой прошлый день рождения мы с парнями ограбили бар «Пей или уходи». Теперь самый невыносимый из Саммерсов донимает меня чуть не каждый божий день. Клянусь, он хуже Томаса.

— Во-первых, она не моя девушка, — продолжаю я. —

Во-вторых, ты сейчас же удаляешь сообщение и выбрасываешь свой телефон в реку. Для надежности можешь промыть глазные яблоки в отбеливателе.

Люк смеется, и я слышу глухой топот копыт. Дурак явно несется на лошади и при этом умудряется разговаривать по телефону.

— Спокойно, Ромео. Я действительно не стал всматриваться. Это же Лола, — хмыкает он. — Б-р-р, это все равно что рассматривать задницу Мии. А я имел удовольствие купаться с ней в одной ванне. У меня достаточно травм, спасибо.

— Ты удалил?

— Нет, отправил в местную газету.

— Люк, — грозно предупреждаю я, потому что его язык пора отрезать.

— Да-да, удалил.

— Ты никому не расскажешь. И это не вопрос.

— А если все же...

— Я, может быть, и не Саммерс, но имею такие же привилегии надрать тебе задницу.

— Справедливо, — ворчит он. — Я считаю, что подвергаюсь абьюзу с рождения, несправедливо, что...

Я сбрасываю вызов до того, как он вывалит на меня тираду о тяготах жизни в семье Саммерс. Что, на самом деле, с одной стороны правда, но с другой... многие отдали бы каждый цент за родных, готовых пойти за тебя против любого.

Даже против медведя гризли.

Поверьте мне, в такой ситуации я тоже был.

Проходит минут десять с момента, как Лола прислала последнее сообщение, но я, как идиот, возвращаюсь и возвращаюсь в наш диалог. Прокручиваю вверх, смотрю на фото и возвращаюсь вниз. Я повторяю это снова и снова.

Мой член снова бунтует в штанах, ругаясь на меня за то, что я нерешительный дурак, который просто продолжает смотреть на эту девушку со стороны и флиртовать с ней при каждом удобном случае, как какой-то Казанова.

Я бы отдал все на свете, чтобы уткнуться носом в изгиб ее шеи и вдохнуть цветочный аромат. Чтобы сжать в руках мягкие бедра, усадить на стол и наброситься на ее губы с блеском. И даже если бы я покрылся блестками, мне было бы плевать, потому что у меня была бы она.

***Я:** Кстати, клубника — моя любимая ягода. И тебе не нужно худеть.*

Вдох застревает у меня в груди, где вместе с теплом вспыхивает застарелая и ржавая, как старый гвоздь, боль. Боль, которую я как будто сам себе придумал. Ведь Лола не может ранить меня, не зная, что я влюблен в нее.

Я сглатываю и запикиваю свои чувства как можно дальше. Запираю их на замок, не давая им играть на моих нервных окончаниях, как на лире, созданной для какой-то трагической мелодии.

Воздух Монтаны все еще хранит дыхание зимы, но с каж-

дым днем солнце начинает нагревать набухающие почки деревьев все сильнее. Однако на улице слишком холодно для мокрых водолазов в лице двух ретриверов.

Я решаю не продолжать несостоявшуюся пробежку, а скорее отправиться домой, пока девочки не простыли. Шум гравия под колесами доносится со стороны подъездной дорожки, и я ускоряю шаг, чтобы обойти заднюю часть дома, выходящую на берег озера.

Томас выпрыгивает из машины и потягивается, будто провёл за рулем несколько часов, а не десять минут.

— Ты опоздал, — ворчу я.

Он зеваёт и достаёт из машины два стакана кофе в картонном подстаканнике.

— Но я с дарами.

Я хватаю кофе, как одичавший. Два глотка, и мир становится не таким уж отвратительным.

— Спасибо, но это все еще не отменяет того, что ты пропустил пробежку.

Я не говорю ему, что тоже пропустил ее, потому что у меня случился сердечный приступ размером с задницу Лолы.

— Проспал, — вздыхает он, мечтательно глядя куда-то вдаль. — К утру Джемма спала на мне, и я решил не шевелиться.

Я приподнимаю бровь.

— Что? — разводит он руками. — Когда у тебя появится жена, поймешь. Нет ничего страшнее, чем женщина, кото-

рую ты разбудил раньше, чем она планировала проснуться.

— Или ты можешь просто признать, что Джемма держит твои яйца в своем маленьком кулаке, — усмехаюсь я и пожимаю плечами.

Томас бьет меня в плечо, но я успеваю предотвратить удар и отпрыгиваю.

— Не переживай за мои яйца. Они в надежных руках.

— И я о том же, дружище.

Я делаю пару шагов назад прежде, чем он срывается с места, чтобы дать мне подзатыльник. Мы делаем пару кругов вокруг дома с кофе в руках, Меган и Фокс бегают за нами все еще с палкой в зубах.

— Ну вот, я все-таки вытащил тебя на пробежку, — смеюсь я.

Боже, мы приближаемся к тридцати годам, а играем в догонялки вокруг дома, как какие-то дети. Но в этом и есть вся суть нашей дружбы. Если бы у меня не было Томаса, я бы загрыз сам себя от череды неудач и разочарований. Наши подшучивания хотя бы позволяют мне расслабиться.

Томас вдруг останавливается и бросает маленький камушек мне в спину.

— Эй, — кричит он, — а что с домом?

Я подбегаю к нему медленной трусцой, встаю рядом и делаю глоток кофе, расплескавшегося по руке.

— А что с домом?

Минуту мы смотрим на дом, построенный еще моими ба-

бушкой и дедушкой. Он выполнен в классическом фермерском стиле с широкой верандой, белыми перилами и окнами, которые мама каждую весну мыла так, будто готовилась к визиту королевы. Или Иисуса.

Мы смотрим.

Дом смотрит на нас.

И... что-то не так. Или мне кажется?

— Ты видишь то же, что и я? — медленно произносит Томас.

Я прищуриваюсь.

— Если ты про то, что он... — я делаю шаг в сторону. Потом еще один. — ...как будто немного...

Мы одновременно наклоняем головы влево.

Дом, кажется, тоже *наклоняется*.

— Да, — говорит Томас.

— Нет, — говорю я.

— Да.

— Нет.

Томас ставит кофе на землю и делает пару шагов вперед, вытягивая руку, будто проверяет перспективу.

— Гарри, — медленно произносит он, — твой дом выглядит так, словно превратился в Пизанскую башню.

Я молча смотрю.

Черт.

Черт-черт-черт.

Если смотреть прямо — вроде нормально.

Если закрыть один глаз — вообще отлично.

Но если стоять вот здесь, то левая сторона дома явно ниже правой.

— Это оптическая иллюзия, — уверенно заявляю я.

Томас оборачивается и смотрит на меня как на идиота, которым я, скорее всего, и являюсь, раз не заметил того, что мой дом вот-вот рухнет.

Меган и Фокс радостно пробегают мимо нас с палкой и, как назло, останавливаются ровно у фундамента. Я подхожу к ним, смотрю вниз и впервые замечаю то, что, видимо, игнорировал последние... несколько недель? Месяцев? Лет?

Черт его знает.

После выхода из комы все вокруг вообще имеет странный ход времени.

Я чуть приседаю и всматриваюсь. Земля у основания стены темнее, а значит... мягче.

— Могу предположить, — осторожно начинает Томас, — что это все из-за того, что этой зимой выпало слишком много снега, а теперь он еще и тает так, будто Монтана решила стать Флоридой.

Я не отвечаю, а иду вдоль стены, всматриваясь в каждую неровность.

— А еще этот участок земли явно подвержен проседанию из-за озера поблизости. Как ты не заметил этого раньше?

Возможно, я бы и заметил... если бы не был слишком занят никчемной реабилитацией, тренировками, возвраще-

нием на работу, злостью, сожалением, избеганием мыслей о Лоле и вообще всем, кроме очевидного.

Я делаю шаг ближе к дому и прикладываю ладонь к стене.

— Он крепкий. Не думаю, что все слишком критично. Он простоял здесь больше века.

Томас молча достает телефон, включает приложение с уровнем и прикладывает к стене.

Мы оба смотрим, как пузырек на экране медленно... *уходит влево.*

— У тебя кривой телефон, — ворчу я. — И вообще, я не доверяю какому-то приложению. Все не может быть настолько плохо.

Томас встряхивает телефон и прикладывает его еще раз.

— О, — выдыхаю я, когда пузырек и вовсе чуть не уплывает за пределы экрана.

— Ага.

Мы стоим в тишине секунд десять.

— Ну, — наконец говорит Томас, — хорошие новости?

— Удиви меня, — отвечаю я сквозь зубы, злясь на самого себя.

— Теперь ты официально владелец уникального архитектурного объекта. Можно брать деньги за экскурсии.

Я выдыхаю и провожу ладонью по лицу.

— Это не смешно.

Я обхожу дом, осматривая линию фундамента. Там, где снег таял быстрее всего, грунт явно размыло, а сваи, думаю,

давным-давно дышат на ладан.

— Как думаешь, сколько это будет стоить? — спрашиваю я, не оборачиваясь.

— Дороже, чем твой новый гриль. Дешевле, чем полная реконструкция.

Я облакачиваюсь на перила веранды. И они... наклоняются вместе со мной.

— Черт.

Меган подпрыгивает на ступеньках, они тихо скрипят под углом, который мне совсем не нравится. Как я не замечал всего этого?

Я снова отступаю и смотрю на дом, будто он магическим образом должен выпрямиться. Но, что логично, ничего не происходит. Он все так же склонен на одну сторону.

Сейчас это все совсем не вовремя.

Мне нужно сконцентрироваться на работе — только-только Марк начал позволять мне регулярно выезжать на вызовы, а не просиживаться в части. Я не могу взять отпуск.

И черт, где я вообще буду жить, пока будут ремонтировать дом, неожиданно ставший образцом средневекового романского искусства?

Я делаю круговое движение рукой и тяжело вздыхаю.

— С этим явно нужно что-то делать.

— Да, отрицать точно не стоит.

— Я не отрицал.

— Ты только что спорил с уровнем.

Я молчу, ведь он прав.

— Слушай, — уже спокойнее говорит Томас, — это не катастрофа. Такое часто случается, и специалисты по фундаменту давно научились поднимать дома без риска. Дом не развалится за ночь. Мы не в фильме ужасов.

— В фильмах ужасов они, наоборот, стоят до тех пор, пока там не заведется какая-нибудь нечисть в подвале.

— Ты, кстати, проверял подвал после больницы? Вдруг...

— Ты идиот? — спрашиваю я, но мои плечи дергаются от рвущегося смеха.

Томас заносит руку, чтобы хлопнуть меня по плечу, но опускает ее, вспомнив, что моя тактильность в последние годы оставляет желать лучшего.

— Ты не один. Мы разберемся.

И почему-то именно эта фраза звучит крепче любого фундамента.

Я невольно усмехаюсь, зная, что действительно не один... просто почему иногда кажется, что все в моей жизни так же наклонено, как и дом передо мной? Мое тело все еще регулярно сводит судорогами, фантомные боли — каждую ночь по расписанию, профессия, которой я посвятил годы, возможно, и вовсе больше не моя судьба, а женщина, от которой я без ума... Боже, даже не хочу продолжать.

Меган вдруг с энтузиазмом вонзает лапы в мягкую землю у стены и начинает копать.

— Нет! — одновременно орем мы с Томасом.

Фокс, конечно же, воспринимает это как приглашение к вечеринке и присоединяется.

Грязь летит в разные стороны.

— Девочки! — я подбегаю, хватаю собак за ошейники и оттаскиваю. — Мы и так скоро станем бездомными, не ускоряйте процесс.

— Почему ты станешь бездомным?

Я поворачиваюсь к Томасу, все еще удерживая Меган и Фокс. Поврежденная кожа на моей спине неприятно натягивается, когда собаки тащат меня в разные стороны.

— Возможно, потому что я не смогу жить в летающем доме, когда его поднимут, чтобы залить новый фундамент?

Томас сжимает губы, чтобы не расхохотаться, но все же берет себя в руки.

— Я не имел в виду буквально, — он качает головой. — Я хотел сказать, что ты можешь жить у меня столько, сколько потребуется, пока здесь будут вестись работы. Тем более Меган и Фокс не придется привыкать.

В последнем он прав. Девочки жили с Томасом все то время, что я путешествовал где-то между раем и адом, пытаюсь вернуться в свое тело и открыть чертовы глаза.

Но...

— Я не могу жить в твоём доме.

— И почему же? — хмыкает он, скрещивая руки на груди.

— Потому что твой дом — это твой дом.

— Слава богу, ты не адвокат, потому что у тебя явные

проблемы с вескими аргументами, — он вздыхает. — Мы все равно живем в доме Джеммы, так что это не доставит ни мне, ни ей никаких неудобств. Ты переезжаешь ко мне и точка.

Я обдумываю его предложение. Привычная волна злости и самоуничтожения пытается накрыть меня как цунами, но я пресекаю ее раньше, чем она успевает добраться до меня и напомнить, что все в моей жизни теперь наперекосяк.

Мне не нравится, что я ощущаю себя вечной девицей в беде, которой все пытаются помочь.

Сначала — в период реабилитации, когда каждый считал своим долгом пожалеть меня. Затем — в месяцы, когда я пытался восстановиться на службе и наконец-то принести пользу. Теперь я еще и планирую стать бездомным. Просто замечательно.

— Хорошо, спасибо, — наконец выдыхаю я, не глядя Томасу в глаза.

Я не хочу видеть искру жалости, которую он хоть и пытается скрыть, но она всегда там есть.

Я смотрю на веранду, где отец курил трубку. На кухонное окно, из которого мама махала мне, когда я уходил на службу. На ту стену, у которой однажды сидел, когда впервые не успел спасти человека на вызове.

Этот дом хранит в себе слишком много воспоминаний, чтобы легкомысленно относиться к тому, что ему требуется ремонт. Возможно, где-то в своих мечтах, спрятанных глубоко-

ко в душе, мне бы даже хотелось... иметь свою семью именно в этом доме.

— Он не рухнет, — вдруг говорит Томас, словно прочитав мои мысли.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что если бы он собирался рухнуть, он бы сделал это в момент, когда ты внутри и без страховки. Это было бы более драматично.

И как тут поспорить?

Глава 4. Лола

Я собираю волосы в высокий хвост, натягиваю леггинсы, которые обещали эффект пуш-ап и «второй кожи» (наглая ложь), и надеваю на уши спортивную повязку цвета розового зефира.

Ветер все еще кусается, а мне ни в коем случае нельзя болеть. Любой кашель или насморк с грудным ребенком на руках приравнивается к прохождению девяти кругов ада. Про температуру я вообще молчу.

Лео внимательно наблюдает за мной из своей спортивной колесницы, как строгий тренер, оценивающий форму. Я натягиваю на него новую шапочку кофейного цвета с маленькими ушками, как у медвежонка.

— Ох, Лео, мама сегодня так облажалась, — продолжаю причитать, вспоминая свое утреннее фиаско. — Но ничего, сейчас мы побегаем, и жизнь наладится, верно?

Ведь у всех этих мам в интернете всегда все замечательно. Они бегают по утрам с идеально спящими младенцами в коляске, улыбаются в камеру с сияющей кожей, будто проспали часов восемь без пробуждений, а не сорок минут. Их леггинсы не впиваются в бока, волосы лежат так, словно они успели уложить их с утра пораньше, а не завязать резинкой за доллар из отдела у кассы.

Их дети не орут.

Не плюются морковкой.

У них идеальная кухня с сияющей техникой из нержавеющей стали и совсем нет отпечатков ладоней на зеркалах и холодильнике. Видимо, эти мамы успевают готовить, когда дети спят, а не ползают под ногами, когда они переворачивают панкейки. А еще их малыши не стягивают с них штаны, пытаясь овладеть навыком ходьбы, пока они моют посуду.

Я толкаю коляску к выходу и мысленно представляю, как кто-нибудь фотографирует нас со стороны. Ведь всех этих интернет-мам всегда кто-то фотографирует на пешеходном переходе.

Фильтр: *«Вдохновение»*. Подпись: *«Быть мамой — это счастье»*. В реальности — я уже вспотела, хотя еще даже не начала бежать.

Когда мы выходим на улицу, Флэйминг встречает нас запахом сырой земли и булочек с корицей, которые уже успела испечь моя соседка Линда. Мать двоих детей, к слову.

А что успела сегодня я? О, разослать всем фотографию своей задницы.

Я щелкаю тормоз на коляске, проверяю ремни — дважды — и начинаю легкий бег. Лео подпрыгивает на кочках, широко раскрывая глаза, будто мы бежим не по тротуару, а по сафари-парку.

— Это называется кардио, малыш, — пыхчу я. — Полезно для сердца. И для психики.

Прохладный воздух сковывает дыхание, напоминая, что весна в Монтане — это когда солнце светит так, будто на дворе июль, а ветер хлещет по щекам, как в январе.

Мы пробегаем через всю нашу улицу, и я понимаю, что в глазах уже темнеет, хотя не прошло и десяти минут. Минуя дом почтальонши Глории, которая зачем-то поливает клумбу, на которой только-только растаял снег, я выбегаю на соседнюю улицу, а мне в спину звучит:

— Доброе утро, Лола! — кричит она так, будто находится на другом конце штата.

— Доброе! — машу я, стараясь выглядеть человеком, который *любит* бег.

Мимо проезжает пикап с подростками в кузове. Один из них поднимает кулак в воздух:

— Вперед, мэм! У вас отличная задница для мамочки!

О боже, они видели мое фото? Или они просто невоспитанные жертвы пубертата? Или у меня и правда отличная задница... *для мамочки*? Что это вообще значит? И когда я стала «мэм»?

Неужели я больше не Лола и не женщина? Я давно поняла, что уже давно не та, кто когда-то танцевала на барной стойке «Пей или уходи» после трех маргарит, но...

Я же не только мама, верно?

Я ускоряюсь, будто могу убежать от этого осознания.

Правда, мое тело явно не подписывалось на такие драматичные рывки. Поясница возмущенно ноет, а сустав в бед-

ре щелкает так выразительно, словно аплодирует моим амбициям. Поблагодарим за это роды. Их подарки продолжают радовать меня каждый день.

Мы выбегаем на Мейн-стрит и вынужденно останавливаемся у светофора, который, судя по всему, работает в зависимости от настроения и атмосферного давления. Он то мигает желтым, то внезапно гаснет, то включает сразу все цвета, будто пытается устроить дискотеку на главной улице города.

Перед пешеходным переходом тормозит пикап мистера Грега, соседа Лили. Он великодушно машет мне рукой, пропуская, несмотря на красный свет.

— Спасибо! — улыбаюсь я и перебегаю дорогу, толкая коляску.

Совершенно случайно я бросаю взгляд на лобовое стекло. И замираю. Из-под приборной панели со стороны руля медленно поднимается... голова миссис Трент. Ее волосы цвета фуксии растрепаны, а малиновая помада смазана.

Я моргаю.

Она тоже моргает.

Мы смотрим друг на друга через стекло, и в этот момент мне хочется официально лишиться себя зрения.

Она что...

Нет.

Нет-нет-нет.

Я не хочу знать, что ее голова делала в районе ширилки мистера Грега. Просто не хочу. Я резко отворачиваюсь

и продолжаю бежать, стараясь вытеснить из головы любые сцены с участием этих двоих.

Флэйминг — маленький город, и иногда я бы не отказалась, чтобы даже в пикапах были шторы.

— Видишь, Лео, — пыхчу я, ускоряясь, — вот почему нам нельзя останавливаться. Никогда.

Остается надеяться, что совесть миссис Трент проснется и она сохранит фотографию моей задницы в тайне так же, как и я сохраню ее... да что бы там они ни делали.

Мы пробегаем мимо пожарной части. Ворота закрыты, но я все равно бросаю взгляд, потому что сердце делает странный скачок. Я все еще не разобралась в неуместных кульби-тах в животе и с ускоренным пульсом при мысли о пожарном, с которым за последние несколько лет у меня возникла связь.

Лео начинает ерзать. Потом хныкать. И, в конце концов, переходить в режим сирены.

— Нет, — шепчу я. — Мы же только начали быть спортивными.

Он выгибается, краснеет, и через секунду Флэйминг узнает, что Лео Эйприл Эванс ненавидит бег так же, как и его мать.

Прохожие оборачиваются, собака у аптеки начинает лаять в ответ, а птицы на тротуаре разлетаются в разные стороны от шума. Самые умные мамы около детской площадки на центральной площади, конечно же, шепчутся:

— Наверное, он хочет есть.

— Я думаю, она просто плохо его одела и ему холодно.

— Мой в таком возрасте, конечно, так себя не вел.

— Она что, не в силах успокоить собственного ребенка?

Я притормаживаю и делаю все возможное, чтобы не вернуться к ним и не зарычать, как бешеная собака. Мне всегда было легче избегать конфликтов, как, видимо, и всего, что меня окружает. Я всегда сбегала в книги, потому что единственный выбор, который мне приходилось делать на странице, — блондин или брюнет. Брюнет, конечно же, всегда побеждал.

С рождением Лео я начала ощущать, как эмоции, которые подавляла в себе всю жизнь, вырываются на свободу. С каждым днем становится все труднее и труднее сдерживаться. Почему никто не говорил, что материнство делает нас по-настоящему свирепыми, когда дело касается детей?

— Все хорошо, — шепчу я, наклоняясь к Лео и поглаживая его пухлую щечку. — Ты не в рекламе подгузников. Ты настоящий ребенок. Можешь злиться на этот дурацкий бег и на этих сучек.

Он не в восторге от моей поддержки, но перестает кричать и просто недовольно хныкает.

Через пять минут я уже не бегу, а иду быстрым шагом, одной рукой качая коляску, другой поправляя повязку, которая сползла набок и теперь делает меня похожей на теннисистку, проигравшую три сета подряд.

Когда мы доходим до супермаркета, я решаю, что заслужила шоколадку.

— Быстро зайдем и выйдем, — говорю я Лео, притормаживая около доски объявлений.

Мои глаза пробегают по цветастым листовкам.

«Продам козу. Не спрашивайте почему».

Надеюсь, речь не про Пушинку с ранчо «Дыхание». Нил не избавился бы от нее даже при угрозе апокалипсиса.

«Митинг против сноса фонарного столба. 13 марта, в 15:00».

«Разыскивается три курицы. Пожалуйста, позвоните, если найдете, и не готовьте их на ужин».

«Куплю уличный туалет. Срочно».

«Пастор Джо напоминает, что в это воскресенье состоится прямой эфир с Богом».

И ни одного предложения или объявления, связанного с книгами. Неужели никто не читает? Я давно думаю организовать книжный клуб, но, когда вижу подобные объявления, начинаю думать, что населению Флэйминга намного интереснее искать кур, чем вдыхать аромат книжных страниц.

Лео начинает хныкать еще до того, как автоматические двери супермаркета закрываются за нами. Внутри пахнет кофе из автомата у кассы, бананами и чистящим средством с запахом лимона, въевшимся в шахматную плитку пола.

Я беру тележку. Потом понимаю, что у меня коляска. Значит, корзину. Нет, неудобно. Лучше буду складывать в ниж-

ний отсек коляски. Хотя нет — не поместится, и что-нибудь вывалится.

Стоп, ты же пришла за шоколадкой, Лола.

Но мне еще нужно молоко, и яйца, и хлеб. А еще у Лео закончилась каша мелкого помола. И не помешало бы захватить туалетную бумагу.

Боже!

Я все-таки хватаю тележку и кое-как управляю двумя транспортными средствами на непослушных колесиках в узких проходах магазина.

Лео переходит к полноценной истерике примерно на моменте выбора макарон, которые я не собиралась покупать, но вспомнила о них в последний момент. Мой малыш громко и драматично рыдает, придерживаясь пауз на вдох и оценку ситуации вокруг.

— Все хорошо, — шепчу я, одновременно хватая молоко и йогурт. — Мы сейчас быстренько скупим половину магазина и поедем домой.

А как мы поедем? Я же не на машине.

Ладно, я смогу привязать пакеты к ручке коляски. Должно сработать, верно? Это лучше, чем возвращаться домой, пересаживать Лео в автокресло и ехать в магазин, снова начиная сначала.

Лео взвизгивает, когда видит отдел с какой-то яркой игрушечной ерундой, и я пролетаю мимо, как ужаленная, лишь бы он ничего не схватил.

Еще пара отделов, и вроде мой список продуктов укомплектован в корзине. Миссис Кларк у кассы уже смотрит на меня с выражением «я пережила троих детей, и ты переживешь».

— Добрый день, детка, — говорит она так спокойно, будто Лео не орет на весь супермаркет.

Уже день? Совсем недавно было утро.

— Добрый, — выдыхаю я, одновременно качая коляску ногой и выгружая продукты на ленту.

Лео решает, что сейчас самый подходящий момент проверить пределы своих вокальных возможностей. Его крик отражается от стеклянных дверей холодильников с замороженной пиццей и возвращается ко мне эхом.

— О, легкие хорошие, — одобрительно кивает миссис Кларк. — Певцом будет.

— Или диктатором, — бормочу я.

Я тороплюсь и хватаю шоколадку (за которой вообще-то и пришла) у стойки импульсивных покупок. Потом еще одну на случай, если первая не справится с моим эмоциональным состоянием.

Пока миссис Кларк пробивает молоко, хлеб и кучу всего, что вообще не планировалось покупать, я пытаюсь одновременно успокоить Лео и вспомнить, взяла ли вообще с собой банковскую карту.

Взяла!

Я расстегиваю куртку и достаю ее из спортивного лифчи-

ка чуть ли не с победным кличем. В очереди позади меня начинается яростный спор по поводу парковочных мест и цен на продукты. Кто-то швыряет на ленту колбасу и кричит:

— И сколько она стоит? Там нет ценника!

— Не кричи, Билл, сейчас я позову администратора.

Вся очередь стонет, когда миссис Кларк встает из кресла и медленно, почти лениво идет за администратором. Слава богу, я уже все оплатила и мне не придется ее ждать.

Быстро сваливаю покупки в пакеты, хватаю коляску и пулей вылетаю из магазина. Кто-то вежливо предлагает помощь, и я автоматически говорю «нет, спасибо», потому что Лола Эванс сильная и самостоятельная женщина, которая явно справляется.

Дыхание успокаивается, как только свежий воздух овеивает разгоряченную кожу. Этот поход в магазин оказался более энергозатратным, чем моя долбаная пробежка. Я покачиваю ногой коляску, а сама пытаюсь найти в пакете шоколадку, чтобы хоть чуть-чуть скрасить этот день.

Но что-то не так.

Я не сразу понимаю, что именно.

Просто слишком... *тихо*.

Мое сердце останавливается с таким же визгом, как шины автомобиля на мокром асфальте.

Я вскидываю голову.

И действительно смотрю.

Смотрю не на коляску, а на тележку супермаркета, кото-

рую продолжаю покачивать ногой.

О боже.

О БОЖЕ.

В голове становится так тихо, будто кто-то выключил звук во всем мире. Я бросаю пакеты и резко разворачиваюсь, срываясь на бег.

— Нет-нет-нет-нет.

Коляска.

Где коляска?

Мои ноги начинают двигаться быстрее, чем мысли. Я бегу обратно ко входу, не чувствуя земли под кроссовками. Перед глазами мелькает темнота, а все тело покрывается ледяным потом.

Автоматические двери разъезжаются, и я врезаюсь в кого-то твердого и теплого.

— Тише-тише, все в порядке.

Я поднимаю голову.

Гарри.

Он держит одной рукой коляску, а другой прижимает Лео к себе, будто так и должно быть. Мой сын уже не кричит. Он внимательно изучает лицо Гарри, держась пухлой ладошкой за воротник его худи.

Господи, храни этого мужчину.

Глава 5. Лола

Интересно, меня лишат родительских прав прямо сейчас или повременят, чтобы сохранить интригу?

Я хватаюсь за грудь, ведь иначе упаду прямо здесь. Колени так дрожат, что приходится удерживать себя в вертикальном положении силой воли.

— Он решил остаться в отделе с печеньем у кассы, — говорит Гарри тихо, наблюдая за моим приступом паники. — Похоже, выбирал между овсяным и шоколадным.

— Я... я оставила его... — голос дрожит, а холод в теле сменяется резким жаром. То ли от стыда, то ли от нервного срыва, к которому я лечу быстрее, чем космический корабль.

Гарри смотрит на меня внимательно, но без упрека.

— Ты просто оставила его присмотреть за сладостями.

— Ты был в магазине? — шепчу я, пытаюсь успокоиться. Из глаз рвутся слезы, которые становится сдерживать все сложнее.

Я готова разрыдаться. Ну что я за мать? Как можно забыть собственного ребенка?

— Только вошел, когда ты вылетела из него, как из ада, — уголок его губ дергается. — Сначала я подумал, что Лео остался с твоими родителями, но потом...

— Ты услышал, как он плачет, — закрываю глаза. — Я

ужасная мать. Почему никто не позвал меня? Или все подумали, что я решила его бросить? Наверное, уже набирают номер службы опеки. Как думаешь, мне стоит...

— Остановись.

Гарри одной рукой берет меня за плечо, и мир перестает рассыпаться. Его пальцы твердые, как якоря, брошенные в бушующую воду. Он не встряхивает меня, лишь удерживает и заземляет мой разум.

Его ладонь скользит выше. Пальцы мягко касаются моей челюсти, приподнимают подбородок.

— Посмотри на меня, — говорит он тихо.

И я поднимаю глаза.

В его взгляде нет ни упрека, ни жалости. Только сосредоточенное спокойствие, которым при желании можно накрыться, как одеялом в холодную ночь. Его большой палец едва касается кожи под ухом, там, где пульс выдает меня с головой.

— Дыши.

И почему-то именно в этот момент воздух снова находит дорогу в легкие.

— Твое сердце стучит так громко, что его слышит даже охранник Отис в библиотеке.

— Он глухой, — задыхаясь, выдавливаю я.

Гарри смотрит на меня с выражением «в этом и суть», а потом становится серьезнее.

— Все подумали, что ты пошла относить пакеты в маши-

ну. Они развлекали Лео и даже спорили, на кого он больше похож — на тебя или на какого-то таинственного серфера из Калифорнии.

— У нас в радиусе пятисот миль нет серферов. И я не спала с серфером.

— Ну, они же этого не знают, — подмигивает он.

Я глубоко вдыхаю. Адреналин медленно отступает. Слезы все-таки вырываются и скатываются по щекам. Я тянусь к Лео, а Гарри без колебаний передает его мне.

Я прижимаю сына к груди так крепко, что он возмущенно фыркает.

— Прости, прости, прости... — шепчу я, утыкаясь носом в его мягкую шапочку с медвежьими ушками.

Лео смотрит на меня спокойно, будто не орал на весь магазин меньше пятнадцати минут назад.

— С ним все в порядке, — низкий голос Гарри продолжает успокаивать меня. — Он даже успел очаровать половину магазина.

Я нервно смеюсь сквозь слезы, которые Гарри смахивает большим пальцем.

Мы оба замираем, словно только сейчас поняли, что за последние минуты слишком часто прикасались друг к другу.

Мы друзья. И это нормально.

Но почему я чувствую опустошение, когда Гарри резко одергивает руку?

— Я перепутала коляску и тележку, — нервно покусываю

губу. — Я качала тележку ногой, Гарри. *Тележку*.

Он фыркает, явно сдерживая смех. И этот звук вырывает истерический смешок и из меня.

— Я думала, у меня сердце остановилось, — признаюсь я. — Я буквально перестала дышать.

— Я видел, — говорит он и направляется к пакетам. — Ты бежала, будто за тобой гнался медведь.

— Лучше бы медведь, — бормочу я, вдыхая сладкий аромат Лео.

Мне нужно надышаться им, чтобы точно успокоиться. Гарри берет пакеты и возвращается к нам.

— Пойдем, я провожу вас, а то вдруг ты не найдешь свой дом. Думаю, на сегодняшний день с тебя достаточно, Шарлотта Грейс Эванс.

Я толкаю его в крепкое плечо, а Лео тянется к Гарри, цепляясь за его рукав, и вдруг широко улыбается.

Ну конечно. Ведь он снова нас спас.

— Не умничай, Гаррисон, — недовольно бормочу я, но улыбка все равно растягивает губы.

Я оглядываюсь на магазин и вижу за стеклянными дверями миссис Кларк и еще пару женщин, с интересом наблюдающих за нами, как за каким-то телешоу в прямом эфире.

Они не выглядят осуждающими. Скорее... любопытными. И, возможно, слегка разочарованными, что драма закончилась так быстро.

— Гарри, — шепчу я, — они точно знают, что я забыла

ребенка, потому что...

Он тоже оглядывается, и все женщины быстро разбегаются по своим делам, как только встречаются с ним взглядом.

— Они уже обсуждают это.

— Конечно, — соглашается Гарри. — Но к обеду появится новая тема. В этом городе информационный цикл часа три, не больше.

Я слегка расслабляюсь, потому что это правда. Но тревога внутри все равно рвет и мечет. Неужели так сложно быть просто нормальной мамой? Я уже даже не стремлюсь стать лучшей...

Ладно. Кого я обманываю? Стремлюсь.

Найдите мне хоть одну адекватную женщину, которая не пытается покорить материнство как Эверест. Желательно без кислородной маски, сна и с ребенком на бедре.

Я усаживаю Лео в коляску, пристегиваю, и следующие десять минут мы идем в тишине. Гарри несет пакеты так, будто это легкий рюкзак, а не моя попытка закрыть все жизненные потребности семьи на неделю вперед.

Веки Лео начинают медленно закрываться, но он борется со сном до последнего. В конце концов, его тело и разум сдаются, и он начинает мирно сопеть.

Небо яркое, но ветер все еще бодрит так, будто у него ко мне личная неприязнь. Честно сказать, у меня к себе тоже личная неприязнь.

— Ты как? — спрашивает Гарри, когда мы поворачиваем

на мою улицу.

— Я... — запинаясь, потому что не знаю, как правильно ответить, не звуча королевой драмы. — Вроде бы нормально. Но минут двадцать назад мне казалось, что я могу лечь на асфальт и не встать.

— Загорать еще рано, асфальт не прогрелся, — шутливо замечает Гарри. — Но ты бы хорошо смотрелась в бикини.

Последнюю фразу он произносит слишком быстро, будто изо всех сил старался удержать ее в себе. Я смеюсь, смотрю на него снизу вверх и вдруг ловлю себя на мысли, что он выглядит так, будто его невозможно сбить с ног. Даже если жизнь будет усердно пытаться.

— Ты всегда такой спокойный и жизнерадостный? — спрашиваю я, хотя знаю его всю жизнь.

Он хмыкает.

— Нет, но...

Я чувствую его взгляд на своей щеке. Кожа нагревается сильнее, чем под прямыми лучами солнца.

— Но?

— Но думаю, иногда могу быть таким.

Я сглатываю, чувствуя, как неуверенность внутри меня снова поднимает свою уродливую голову.

— Мне кажется, я порчу Лео детство, — признаюсь я тише, потому что это звучит стыдно. Мы подходим к моему дому, и я останавливаюсь у порога. — Он вырастет и будет рассказывать психологу: «Моя мать однажды забыла меня в

супермаркете, потому что ей нужна была шоколадка».

Гарри ставит пакеты на порог и наклоняет голову, будто оценивая серьезность моего заявления.

— Если он будет рассказывать психологу только это, значит, ты справилась на отлично. Обычно многие жалуются, что их отхлестали ремнем за то, что они не оправдали ожиданий родителя.

Я моргаю.

— Это странная логика.

— Это рабочая логика, — пожимает он массивными плечами. — Однажды папа забыл меня забрать из детского сада.

От этих слов у меня что-то ломается внутри.

— Ты знаешь, я поздний ребенок. Мои родители не были молоды и полны сил. Иногда случались осечки, но я ни разу не думал, что они плохие. Просто... уставшие. Папа работал на двух работах, мама постоянно болела, и они справлялись как могли.

Я знаю, как сильно мистер и миссис Эшфорд любили своего сына. Его мама пекла лучшие конвертики с клубникой во всем Флэйминге, а отец находил время вырезать игрушки из дерева для Гарри и всех его друзей. У меня до сих пор хранится маленький деревянный ангелочек, подаренный Гарри на мой девятый день рождения.

Я провожу большим пальцем по щечке Лео и закрываю козырек коляски, чтобы солнце не мешало спать.

— Я тоже справляюсь, — выдыхаю я.

Гарри на секунду замолкает. Потом говорит очень просто:
— Я вижу.

И все. Без пафоса, без великих речей. Но почему-то от этого в груди становится легче.

Я открываю дверь, чтобы Гарри занес пакеты в дом.

— Слушай... — я прочищаю горло. — Спасибо, что не посмеялся надо мной. И... как всегда оказался рядом.

Он приподнимает бровь.

— Я смеялся, совсем немного, но все же. На тебя невозможно смотреть без улыбки.

— Отлично, — ворчу я.

Гарри делает шаг назад и, будто между делом, говорит:

— Я разобрался с твоей задницей.

Я давлюсь воздухом и смотрю куда угодно, только не ему в глаза.

— В телефоне Люка, — добавляет он. — Механик Эрик действительно не понял, кто на фото. Я узнал.

Я считаю цветочки на обоях в прихожей и делаю вид, что это волнует меня намного сильнее, чем фотография моей задницы, ставшая заменой утренней прессы.

— Спасибо. Моя задница передает... эм... сердечные благодарности.

Гарри отступает, но я ощущаю его взгляд на себе до последнего.

— Клубничные.

— Что? — наконец смотрю ему в глаза.

— Клубничные благодарности. На твоих трусиках была клубника.

Боже, сегодня меня точно вырвет от стресса и смущения.

Кожа по всему телу накаляется от его взгляда. Гарри медленно отступает к тротуару, словно дает мне пространство и одновременно не дает его вовсе, потому что каким-то образом лишает меня кислорода.

— Конечно же ты заметил, — выдыхаю я, не собираясь показывать ему, что я прочла его последнее сообщение и прекрасно знаю, что он явно неровно дышит к клубнике.

— Я наблюдательный.

Я складываю руки на груди и приподнимаю бровь.

— И часто ты за мной наблюдаешь, Гаррисон Эшфорд?

Он задерживает взгляд на моем лице, будто пересчитывает каждую веснушку, успевшую появиться, чтобы поприветствовать солнце. Его глаза на секунду перескакивают на мои губы, которые я покусываю, съедая блеск со вкусом *клубники*.

— Всегда.

Гарри уходит, а у меня перехватывает дыхание. Не от паники, не от смущения или стыда.

От него.

Глава 6. Лола

Я обнимаю маму и быстро чмокаю Лео в пухлую щечку со следами тыквенного пюре.

Стоит сказать, что вся наша кухня выглядит как место преступления, только вместо крови — оранжевые брызги. Лео выплевывает пюре каждый раз, стоит маме отвернуться от него.

— Иди уже, — ворчит мама, пытаюсь запихнуть в своего вредного внука эту невкусную еду. — Мы справимся. Папа заглянет после обеда и отвезет нас на ранчо, чтобы Лео познакомился с новыми жеребятами.

Я вроде и знаю, что они справятся, но каждый раз все равно переживаю. Вдруг мама не сможет найти жаропонижающее, если у Лео резко поднимется температура из-за прорезывания зубов. Вдруг потеряет запасную пустышку, и восьмимесячный ребенок устроит ей такой концерт, которому позавидовали бы даже АС/ДС.

Я еще раз проверяю стерилизатор, чтобы убедиться в том, что количества бутылочек хватит на целый день, и в третий раз целую маму и Лео.

— Если что, обязательно звони.

— Шарлотта Грейс Эванс, уйди из этого дома, пока я тебя не выгнала силой. Ты опоздаешь, если продолжишь бегать

тут как курица-наседка.

Я бросаю взгляд на наручные часы и ахаю.

— Ты права.

Студия танцев, где я работаю, откроется через десять минут. Я бегу в гостиную, спотыкаясь о деревянные кубики и пиная какую-то погремушку под диван. Надеюсь, Лео не захочется именно с ней играть целый день. Схватив книгу и киндл с дивана, потому что каждая букгерл знает, что важно иметь книжного мужика как в бумажном, так и в электронном виде, спешу в прихожую.

Я набрасываю пальто, засовываю все вещи в шопер и выбегаю из дома.

Приятный весенний ветер с ароматом талой воды треплет мои волосы с розоватым оттенком, который почти вымылся. Когда я в последний раз красилась? Помню, что намылила голову каким-то оттеночным шампунем, когда Лео было три месяца. Я тогда передержала его, потому что забыла. Вспомнила лишь в тот момент, когда Лео схватил меня за волосы, пока я щекотала ему пузико и пыталась рассмешить.

Что ж, получилось действительно смешно, ведь такого насыщенного розового у меня еще никогда не было.

Я спотыкаюсь о трещину в тротуаре и чуть не пропахиваю носом асфальт, но меня подхватывает крепкая рука. Мои глаза прослеживают шрам от ожога на мускулистом предплечье и медленно поднимаются к его обладателю.

— Осторожнее, Лолс, — тихим басом говорит Гарри, как

всегда оказываясь ровно в тот момент, когда я намереваюсь попасть в компрометирующую ситуацию.

Я сдуваю прядь с лица и выпрямляюсь.

— Споткнулась.

— Я видел, — уголок его губ подергивается в улыбке.

— Не смейся!

— Даже не думал, — говорит он, пока на его лице появляется широкая улыбка, которая ослепляет каждую женщину, как фотовспышка.

Я не удивлена, что именно он поймал меня, но удивлена...

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, пока его пальцы мимолетно скользят по моему запястью. Он быстро разрывает прикосновение, но тепло его кожи все еще оставляет приятный след.

Он отступает на шаг и почесывает затылок. Вокруг моих ног начинают виться Меган и Фокс, требуя к себе внимания. Я наклоняюсь, почесываю их за ушами и возвращаю взгляд к их хозяину.

— Вы гуляете?

Странно, что сегодня они выбрали маршрут через мою улицу. Флэйминг может быть и маленький город, но это все еще город протяженностью в мили. И Гарри живет на другом конце, возле озера.

— Нет, теперь я здесь живу.

Я замираю и перевожу взгляд на дом, около которого мы стоим. Дом Томаса. Он стоит прямо рядом с моим собствен-

ным, и нас разделяет лишь один забор. Томас почти не появляется здесь, и я даже подумала, что он собирается его продать. Это имело бы смысл, учитывая, что они с Джеммой решили строить семью в доме ее детства.

Стоит сказать, что Томас Саммерс был отличным соседом. Отличным соседом, в которого я по глупости была влюблена. Считаю это самым большим заблуждением и ошибкой в своей жизни, если хотите знать мое мнение.

Ведь... может быть, если бы я не была так романтично наивна и мечтательна, то заметила бы раньше, что старший брат моей лучшей подруги является в моей голове лишь образом, который я сама создала и сама же в него поверила. У нас было слишком мало общих интересов, не говоря уже о том, что мне с трудом иногда удавалось действительно понять, что Томасу нравится. И ему явно не нравилась я. По крайней мере, в романтическом смысле.

Поэтому мое сердце даже не разбилось вдребезги, когда они с Джеммой создали свой корабль любви и уплыли на нем в семейную жизнь. Наоборот... я действительно поверила в любовь.

В ту любовь, которая существует в моих книгах. И о которой мечтала я. Просто мои мечты разбились о кувшин маргариты, выпитый в ту ночь в клубе, когда был зачат Лео.

— В каком смысле? — я вырываюсь из мыслей и перевожу взгляд на Гарри.

— Мне придется временно пожить у Томаса, потому что

мой дом... — он морщится, а потом достает телефон. — Я лучше покажу.

Гарри разблокирует экран так быстро, что мои любопытные глаза успевают заметить лишь какое-то розовое размытое пятно на заставке.

Интересный выбор... для мужчины.

На экране телефона появляется фотография дома, который... ну... эм... Я наклоняю голову и смотрю пару мгновений.

— Он... — я щурюсь. — Он что...

Я забираю у него телефон и наклоняю голову в другую сторону. Потом в ту же, что и на фото.

— Можно мне сделать рядом с ним фотку, как с Пизанской башней? Типа я стою такая и пытаюсь поднять его обратно?

Гарри смеряет меня таким взглядом, будто слышал эту шутку уже не раз. Я хихикаю и возвращаю ему телефон.

— Так... — я смотрю в сторону дома Томаса, а потом возвращаю взгляд к нему. — Что говорят? Это возможно исправить?

— Да, — Гарри кивает, а порыв ветра доносит до меня аромат его парфюма. Что-то свежее и с нотками каких-то специй, а может, древесницы или ели. Черт его знает. Просто вкусно и мужественно.

Так вкусно, что мне с трудом удастся не прикрыть глаза и не вдохнуть глубже.

— Ты нюхаешь меня.

Я чуть ли не подпрыгиваю на месте, когда осознаю, что действительно вдохнула глубже и закрыла глаза. Широко распахнув веки, словно увидев оленя, я смотрю на мужчину, который ухмыляется со знающим выражением лица.

— Ты отвратительно пахнешь, — выпаливаю я первое, что приходит в голову.

Конечно, зачем говорить что-то хорошее, верно?

— И именно поэтому ты решила приняться? — протягивает Гарри, в его глазах пляшет озорной огонь.

Я моргаю. Дважды. Как будто частое моргание может стереть этот неловкий инцидент.

— Я не нюхала, — говорю я самым уверенным голосом женщины, которая только что буквально нюхала. И буквально призналась в этом минуту назад.

— Как скажешь, — хмыкает он. — Я занимался переездом, одни девочки чего стоят, поэтому с меня сошло сто потов.

— О, нет, ты прекрасно пахнешь, — спешу успокоить его я.

— Ты же не нюхала, — вот теперь он чуть ли не сияет, как новогодняя елка.

— Засранец, — говорю я сквозь зубы и чувствую, как горит мое лицо.

Меган и Фокс трутся о мои ноги, как кошки, требуя внимания. Я переключаюсь на них, чтобы не смотреть на раздра-

жающе красивое лицо Гаррисона Эшфорда, которое с каждым днем все больше и больше выводит меня из себя.

— Ваш папочка такой нарцисс, девочки, — ворчу я, поглаживая их головы.

— Потому что ты меня нюхала, как цветок?

— Если ты не заткнешься, я заклею тебе рот, — прищуриваюсь я.

Гарри поднимает руки в знак капитуляции, и при этом движении его бицепсы с витиеватыми татуировками напрягаются так, будто это часть плана — отвлечь меня окончательно. Дымные черные рисунки с тенями полностью покрывают его руки, заставляя мозг вспомнить, что я видела этого мужчину без футболки.

— Ого, — протягивает он. — Угрозы. Мне нравится, когда ты становишься решительной.

— Я всегда решительная.

— Нет, — он качает головой, и в его голосе вдруг появляется мягкость, от которой колени у меня подкашиваются сильнее, чем от трещины в тротуаре. — Ты смелая. Это другое.

Я замираю.

Такие фразы он бросает постоянно, между шутками и поддразниванием, позволяя мне увидеть за несносным флиртуном вдумчивого взрослого мужчину.

— Ты переезжаешь, — вспоминаю я, чтобы вернуть разговор на безопасную траекторию. — Надолго?

— До тех пор, пока мой дом не перестанет парить в воздухе. Потом планирую отремонтировать еще пару комнат и заменить пол. Думаю, месяца три-четыре.

Я киваю, покусывая губу. Почему внутри меня все вибрирует от мысли, что человек, с которым я дружу всю свою жизнь, будет находиться почти на расстоянии вытянутой руки? Возможно, потому что именно этот человек смотрит на меня не так, как все.

С детства я всегда чувствовала себя невидимкой. Мия и другие девушки, с которыми я общалась, всегда были ярче и громче. Они не спотыкались о воздух и собственные ноги на каждом шагу. У них не возникало проблем с тем, что вылетало изо рта.

Мне же всегда казалось, что я не могу быть такой счастливой или такой смешной. Или просто такой, как все остальные девочки. Но было одно место, где я чувствовала себя всесильной и уверенной. В книге. За страницами книг я могла примерить на себя любую роль и не переживать о том, что обо мне подумают.

Раньше я не замечала, что Гарри — один из немногих, кто замечает все, что другие не видят. Возможно, это черта его характера. А возможно... возможно, я и правда на самом деле *интересная*.

По крайней мере, в его глазах.

Я не знаю, как охарактеризовать свои чувства по отношению к этому мужчине. Просто в последние месяцы, нет, го-

ды... с того момента, как он вышел из комы, что-то между нами изменилось.

— Это проблема? — Гарри всматривается в мое лицо и чуть наклоняется вперед так, что расстояние между нами становится на полдыхания меньше. — Что теперь я твой сосед.

— Нет, — отмахиваюсь я. — Но ты знаешь Флэйминг. Если ты чихнешь у меня под окнами, к вечеру миссис Трент будет уверена, что мы тайно поженились. А она все еще строит теории о том, что ты принял мои роды, потому что так велела судьба или ее карты таро.

— Хорошо, я буду чихать осторожнее, — он едва заметно улыбается, а потом на мгновение его глаза темнеют. — Или нет. Только глупец не захотел бы быть твоим тайным мужем.

— Гаррисон, — строго говорю я, покрывшись смущенным румянцем с головы до пят.

— Шарлотта, — его голос окутан чистым грехом.

Мы смотрим друг на друга чуть дольше, чем это уместно для людей, которые «просто соседи» или «просто друзья».

Ветер треплет мои волосы, и Гарри машинально протягивает руку, чтобы убрать прядь с моего лица. Движение почти автоматическое. Почти. Но он замирает на полпути.

Секунда. И я задерживаю дыхание.

— Я опаздываю на работу! — выпаливаю, нет, выкрикиваю я, как сумасшедшая.

Я начинаю отступать, но Гарри перехватывает меня за

запастье, смотрит на меня мгновение, а потом, сдерживая улыбку, спокойно говорит:

— У тебя на лице патчи. Я хотел их убрать.

Я быстро дотрагиваюсь до лица и с ужасом понимаю, что на моем лице действительно все это время были патчи.

— Знаешь, это новый тренд. Следи за модой, Эшфорд.

Он фыркает от смешка, сотрясающего его грудь, и делает шаг вперед.

— Тренды доходят до Флэйминга с опозданием на три года, поэтому я не верю.

— Ну, поверь, — пожимаю плечами я, поправляя шопер на плече.

— Можно? — тихо говорит Гарри, снова протягивая руку и не обращая внимания на мои оправдания.

Я перевожу взгляд на дом, ведь напряжение между нами заставляет дрожать каждую мою кость. Потом снова смотрю снизу вверх на мужчину, который в лучах солнца почему-то становится еще красивее.

— Да, — выдыхаю я.

Теплые пальцы Гарри мягко касаются моей щеки и скользят под глаза, поддевая гелевую каплю.

— Они с блестками, — бормочет он, скрупулезно снимая патчи, словно ему доверили самую ответственную задачу в мире. — Ты похожа на инопланетянку.

Я не сдерживаюсь и хихикаю, хотя комплимент до глупости странный.

— Я внеорбитная.

— Ты... сонная и красивая, — вкрадчиво отвечает он, снимая второй патч и мимолетно обхватывая мою щеку своей большой ладонью.

Прикосновение обжигает, но быстро исчезает, будто Гарри сам испугался того, сколько нежности было во всем этом снятии обычных патчей.

— Мне правда пора, — выдыхаю я. — Если я опоздаю, Лили заставит меня стоято в планке до конца жизни.

— Я бы посмотрел на это, — спокойно отвечает он.

— Гарри.

— Что? Поддержка — важная часть тренировочного процесса.

Я делаю шаг назад.

— Ты — отвлекающий фактор.

Он улыбается медленно, лениво, и в этой улыбке столько уверенности, что у меня сводит живот.

— Значит, я все делаю правильно.

Я разворачиваюсь прежде, чем скажу что-то еще более глупое, и почти бегу в сторону Мэйн-стрит.

— Спасибо за ароматное утро, соседка! Не нюхай других мужчин, а то я ревнивый, — окликает он.

Вот же несносный мужчина.

Я не оборачиваюсь, хотя очень хочется, но ощущаю его взгляд на спине, как теплую ладонь. И это ощущение не исчезает даже тогда, когда я сворачиваю за угол.

***

Флэйминг по утрам уже живет на полную катушку. Насколько это вообще возможно в городке, где главная новость недели — подралась ли старушка Роуз с Беном из-за парковочного места и кто без разрешения вышел из чата миссис Трент «помощь бездомным кискам».

Горы вдалеке еще покрыты остатками снега, и на их фоне город кажется игрушечным. Красно-коричневые фасады из кирпича, вывески с потертой краской, старые велосипеды, припаркованные вдоль улицы, как экспонаты музея «Америка 90-х».

Возле автомастерской двое мужчин спорят, чей пикап быстрее, и этот спор явно длится с 1998 года.

Я ускоряюсь, перепрыгиваю лужу и почти улыбаюсь себе: если бы кто-то снял меня сейчас на видео, получилось бы так вдохновляюще.

Вот она, Шарлотта Грейс Эванс, а не просто Лола. Мама, самостоятельная работающая женщина, активная, целеустремленная...

Если не считать того, что десять минут назад на моем лице были патчи, а крышесносный пожарный снял их с меня, как с ребенка, который не умеет завязывать шапку.

Я опять краснею.

— Дыши, Шарлотта, — шепчу я сама себе.

Я толкаю дверь студии танца «Дыхание», и звон колокольчика объявляет о моем появлении.

— Опоздала на десять минут, — раздается голос Ричарда из зала.

Он владеет этим местом и мастерски преподает местным детям и взрослым искусство бального танца.

— Я внезапно появилась, — поправляю я.

Я слышу смех Лили. Они с Ричардом отлично работают в команде. Не только потому, что они безумно талантливые, но и потому, что он ее отец... как оказалось.

И вот, я говорю, что во Флэйминге ничего интересного не происходит, но на самом деле мы могли бы посоревноваться в интригах с шоу Кардашьян.

Я быстро перебираю документацию за стойкой администрации, включаю компьютер и проверяю запись на занятия сегодня.

Отлично, все занято. Я улыбаюсь, осознавая, что у меня не будет ни одной свободной минуты. С одной стороны, это плохо, потому что сегодняшняя ночь была чистым адом. Я поспала, наверное, от силы часа два. Лео просыпался каждые сорок минут. Зубы, скачок роста, ретроградный Меркурий — выберите любую причину, все подходит.

К вечеру я свалюсь с ног, но, с другой стороны, загруженность заставляет мой мозг действительно работать, а не тупо рассуждать о том, как построить из разноцветных кубиков башню или наизусть спеть какую-то глупую детскую песенку.

Не поймите меня неправильно, я люблю быть мамой, но рядом с материнством и декретом всегда маячит деградация, потому что невозможно оставаться в здравом уме, когда двадцать четыре часа в сутки ты общаешься с человеком, который *не умеет говорить*.

— Ты с нами на ча-ча-ча? — Лили выглядывает из большого зала.

Ее светлые волосы собраны в идеальный пучок, а на стройных бедрах повязан платок. На ногах колготки в мелкую сетку и бальные туфли. Она выглядит так хорошо, словно никогда и не рожала.

В отличие от меня.

— Да, — я отвожу взгляд, чтобы еще больше не задумываться о том, почему беременность пережевала и выплюнула меня.

— Отлично, твои туфли как раз приехали.

Я ахаю и улыбаюсь, вновь смотря на Лили.

— Ты заказала их?

— Конечно, — кивает Лили. — Твои бедра так шикарно описывают восьмерки, что нам срочно нужны туфли!

Мои бедра... мои бедра с трудом влезают в джинсы, хочу сказать я, но продолжаю улыбаться.

Студия начинает заполняться первыми учениками, которые записались в утреннюю группу по ча-ча-ча. Миссис Трент марширует в раздевалку с видом чемпиона Европы по бальным танцам, хотя до сих пор не попадает в ритм вальса.

Я встречаю каждого ученика и ученицу в возрасте от двадцати до семидесяти пяти лет. Да, у нас очень колоритный состав. После того, как я улыбнулась каждому и отметила посещение, бегу переодеваться и присоединяюсь к разминке, когда Ричард уже орет на кого-то из-за того, что он или она недостаточно низко наклоняются.

Этот мужчина может быть суровым, но все его ученики достигают высот. Ричард вообще интересный экземпляр Флэйминга. Эдакий аристократ, который осел в маленьком городке Монтаны и все время держался особняком. До тех пор, пока Лили не перевернула его жизнь.

Рядом с дочерью он расцвел и вроде как даже нашел даму сердца. Но это секрет, который Лили узнала, проследив за его домом. Ладно, мы вместе следили. У нас даже были очки и газета с прорезанными дырками для глаз. Не спрашивайте.

Просто Ричард действительно шикарный мужчина, достойный счастья. И мы все рады, что он наконец-то нашел его в лице местной библиотекарши Камилы. Но я вам этого не говорила.

— Господа и дамы, сегодня мы прорабатываем корпус и учим шаги, — громко говорит Лили, пока Ричард делает музыку чуть тише.

— Корпус... — я бросаю взгляд на себя в зеркало и тут же жалею. — Я не уверена, что мой корпус хочет, чтобы его прорабатывали.

Лили поднимает бровь, но продолжает занятие.

К четвертому упражнению я уже обливаюсь потом и еле дышу. Лили подходит ко мне и поправляет ногу.

— Я больше не могу, — шепчу я еле-еле, растягиваясь в полушпагат.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я просто констатирую факт, что мое тело после родов... — я делаю неопределенный жест рукой, — выглядит так, будто его собрали в темноте.

Лили подходит ближе и меняет преподавательский тон на дружеский:

— Лола.

— Что? — я валюсь на пол и переворачиваюсь на спину, которая кричит в агонии.

Лили нависает надо мной, закрывая мне обзор на потолок.

— Ты родила человека. Пожалуйста, не будь строга к себе.

Я отвожу взгляд. Это, конечно, звучит правильно. И все равно, когда я смотрю на себя, я вижу не то, что «родила человека». Я вижу все, что «не так».

Живот, который больше не плоский, как в двадцать. Бедра, которые стали шире. Грудь, которая теперь не моя — она принадлежит Лео и расписанию кормлений. Шрамы, растяжки, усталость под глазами, которую не скроешь даже консилером.

И самое тупое — я ведь знаю, что это нормальное тело.

Я просто не могу к нему привыкнуть. Я не могу его полюбить.

Лили хлопает в ладоши.

— Все встали!

Музыка снова становится громче, и зал оживает, когда все понимают, что мы переходим к тренировке шагов.

Лили ведет тренировку уверенно, красиво, будто она сама часть ритма и латиноамериканского мотива. Я завидую ей. Не телу, не пластике, а уверенности. У нее она в костях.

Я повторяю движения, стараюсь не смотреть в зеркало слишком часто. Но зеркало все равно смотрит на меня. И каждый раз, когда я вижу свое отражение, ловлю себя на том, что автоматически втягиваю живот.

Как будто это может вернуть мне прошлую версию себя.

Смешно.

Потому что прошлой версии меня больше нет. Есть новая, и мне просто необходимо ее полюбить.

Лили ловит мой взгляд в зеркале и показывает большой палец вверх, хотя я совсем не попадаю в ритм. Мне приходится изо всех сил сосредоточиться на движениях.

Плечи. Бедро. Руки. Дыхание.

Неожиданно в мыслях всплывает глубокий, слегка грубоватый голос Гарри: *«Сонная и красивая»*. И вдруг, всего на секунду, я чувствую себя... действительно увереннее и чуть красивее, чем в отражении зеркала.

И это ощущение работает лучше, чем любой фильтр «вдохновение».

Глава 7. Гарри

Я задыхаюсь и распахиваю глаза, встречаясь взглядами с темнотой. Обычно мягкий писк пейджера звучит, как сирена, пока разум, вырвавшийся из вязкого кошмара, пытается вернуться к реальности.

Сердце колотится так сильно, что распирает грудь, а боль, которую я на самом деле не ощущаю, но думаю, что она есть, стягивает спину стальными прутьями.

Вытирая испарину со лба, нащупываю устройство на прикроватной тумбе и щурюсь в тусклый свет экрана.

MVA w/ Entrapment

Highway 12 — Mile Marker 47

Priority 11¹

Черт.

ДТП с зажатыми внутри.

Я резко сажусь, адреналин разрывает остатки сна. В голове мгновенно выстраивается картинка: перевернутый автомобиль, металл, сжатый как бумага, запах бензина, крики или — хуже — тишина.

Я повторяю себе, что сегодня не моя смена, но уже род-

---

¹ MVA w/ Entrapment — дорожно-транспортное происшествие (Motor Vehicle Accident), при котором пострадавшие зажаты в автомобиле и не могут выбраться самостоятельно.

ное чувство беспомощности сковывает мое тело, призывая что-то с этим сделать. Доказать, что на самом деле Гаррисон Эшфорд не бесполезен.

Я сажусь, опускаю ноги на гладкий деревянный пол, охлаждающий мои ступни, которые горят, словно я пробежался по углям.

Меган и Фокс сопят за моей спиной на другой половине кровати, даже не замечая мой очередной приступ чего-то, что явно не является нормой. Ведь навряд ли можно называть нормальным то, что почти каждую ночь мое тело горит, а я отчетливо ощущаю едкий запах горячей плоти. *Моей плоти.*

Я закрываю глаза.

Вдох.

Выдох.

Это не по-настоящему.

Тело помнит то, что разум пытается отодвинуть подальше.

Я провожу ладонью по груди, будто проверяю, на месте ли кожа. Шрам под ключицей тянет. Фантомно, едва уловимо, но достаточно, чтобы мозг снова подбросил картину, пропитанную треском, жаром, который не просто греет — он, как голодный зверь, сжирает до костей.

— Ты в порядке, — шепчу себе в темноту.

Пейджер все еще светится в руке, как маяк, зовущий меня присоединиться туда, где требуется помощь.

MVA w/ Entrapment.

Highway 12.

Mile Marker 47.

Я знаю этот участок дороги. Слепой поворот и узкая обочина. Весной там до последнего держится лед.

Priority 1.

Кто-то зажат в металле и ждет, пока чужие руки разрежут железо, чтобы снова дать шанс на жизнь.

Я сглатываю, повторяя про себя снова и снова до тошноты.

Сегодня не моя смена.

Сегодня я должен спать.

Сегодня я обычный человек.

Но это слово — «обычный» — звучит так чуждо, будто его приклеили ко мне. Возможно, я действительно нарцисс, но у меня не получается смириться с этой обычностью и бесполезностью. Не после того, как я годами делал что-то важное. Спасал жизни. Ничего не боялся.

Я встаю и подхожу к окну. Ночь в Монтане холодная и темная, как мой сон. Только здесь, в реальности, есть вуаль ярких звезд и низко висящая луна. Они смотрят на меня, как безмолвные товарищи, наблюдая за тем, что я сделаю дальше.

Где-то далеко уже воеет сирена, и сердце начинает подстраиваться под этот звук. Оно несется галопом, каждый удар молотом бьет по грудной клетке.

Я знаю, что парни справятся, но внутри все равно что-

то скребет. После комы я стал... другим. Тело будто не до конца мое. Иногда я думаю, что засну и могу не проснуться. Иногда — что просыпаюсь, а часть меня остается где-то там, в девяти месяцах темноты, напоминающей мазут.

И писк пейджера является доказательством.

Что я все еще здесь.

Что я могу.

Что я нужен.

Что я жив.

Я провожу рукой по голове, задерживаясь на шраме у затылка. Кожа неровная и грубая, местами лишенная волос. Боже, это не тело, а дорожная карта в ад.

Как мне надоело натекаться руками на постоянное напоминание о том дне. О своем безрассудстве, чуть ли не стоившем мне жизни.

Пейджер снова коротко вибрирует, оповещая об обновлении. Я смотрю на экран.

Patient extricated. CPR in progress.²

Скорее всего, произошла остановка сердца.

Я сжимаю пейджер в кулаке так сильно, что пластик скрипит. Резко выдыхаю, делаю шаг к шкафу, но потом останавливаюсь. Это не моя смена. Не говоря уже о том, что слишком поздно. Пострадавшего от остановки сердца спасет только чудо.

---

² Patient extricated — пострадавший извлечен из транспортного средства (освобожден из зажатого состояния с помощью спасателей).

А я никогда не был чудотворцем.

Я медленно возвращаюсь к кровати и сажусь. Когда мое сердце начинает замедлять ритм, тишину ночи пререзает крик. Плач Лео я услышал бы даже под водой. Он так хорошо знаком, что мне удается узнать его по первой высокой ноте, которую он берет с мастерством оперного певца.

За последние несколько недель, что я живу в доме Томаса, было лишь пару ночей, когда детский плач не становился саундтреком ночи.

Я сижу до последнего, слушая, как в соседнем доме ребенок изводит свою мать. Все внутри меня ревет и кричит о том, что ей нужна помощь. Но я слишком хорошо знаю Лолу. Эта женщина до последнего будет говорить, что «она справляется», даже если небо будет падать.

Да и навряд ли сумасшедший сосед, врывающийся в ее дом, выглядел бы адекватно посреди ночи, верно? Верно.

Плач Лео на мгновение стихает, а потом возобновляется по новой, только вот на этот раз громче и ближе. Я выглядываю в окно и вижу, что Лола укутывает ребенка в плед и кладет в коляску.

Десяток минут мои ноги протирают дыры в полу Томаса, прежде чем несут меня на первый этаж и к двери во двор. Я вспоминаю, что на мне лишь трусы, и, ворча, возвращаюсь наверх, чтобы надеть что-то более приличное и не довести до сердечного приступа всех соседей.

Меган и Фокс просыпаются и начинают носиться за мной,

будто мы играем в какие-то ночные догонялки.

— Даже не думайте, девочки. Вы разбудите весь город, если вас выпустить, — ворчу я, натягивая спортивные штаны и футболку.

Они смотрят на меня и переступают с лапы на лапу. В конце концов Фокс взмахивает пушистым хвостом, как бы говоря: «Ну и иди в задницу», — и укладывается обратно на кровать.

— Вообще-то это моя кровать.

Не важно, что вообще-то это кровать Томаса.

Меган присоединяется к своей сестре, полностью игнорируя кроватный запрет.

Я не выясняю с ними отношения и спускаюсь вниз. Обуваю кроссы и ступаю на мокрую траву, которая с каждым теплым днем становится сочнее и зеленее.

Лола ходит по своей небольшой веранде. Шаг вперед, шаг назад. Коляска с Лео, не умолкающим ни на секунду, покачивается в такт движению ее рук.

На ней лишь какая-то футболка с изображением Jonas Brothers и... ну и все. Даже носков нет.

Она сошла с ума?

Как бы привлекательно она ни выглядела с растрепанными волосами и в футболке, доходящей до середины бедра, я не могу не подумать о том, что на улице слишком холодно посреди ночи.

Крик Лео постепенно стихает. Я вижу, как в тусклом свете

луны плечи Лолы слегка опускаются и расслабляются. Она аккуратно, я бы даже сказал почти не шевелясь, садится в кресло-качалку и продолжает покачивать коляску ногой.

Голой ногой.

Нормально ли сгорать от желания натянуть на женщину шерстяные носки?

Я ворчу что-то сам себе, размышляя, насколько сумасшедшим буду выглядеть, если перелезу через забор и предложу ей свои.

Лола протягивает руку и достает из нижнего отсека коляски... электронную книгу. *Конечно же, книгу она не забыла.*

Я вижу, как хмурятся ее брови, когда она вчитывается. Вихрь эмоций проносится на сонном лице от страницы к странице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.